

Сладкая горечь

Автор:

Стефани Данлер

Сладкая горечь

Стефани Данлер

Аппетит обостряется во время еды? Тесс 22 года, она сбежала из маленького городка в Нью-Йорк и жаждет вкусить жизнь, испытать все. Она устраивается в люксовый ресторан, работает днями напролет, а вот ночами... она по-настоящему познает себя. Тесс втягивается в мрачно-привлекательный любовный треугольник. И кажется, это самый волнующий опыт в ее жизни. Не станет ли он самым болезненным? Ведь умерить голод бывает непросто.

Стефани Данлер

Сладкая горечь

Эрос вновь меня мучит истомчивый —

Горько-сладостный, необоримый змей[1 - Сафо, перевод В. В. Вересаева. – Здесь и далее примеч. перев.].

Теперь обратим наш философский взор на улады или муки, даруемые вкусом[2 - «Физиология вкуса». Брийя-Саванер.].

Лето

I

У тебя разовьется вкус.

Нет, не небо, и не язык, и даже не вкусовые рецепторы. Особое место на языке, которое запоминает и которое дает вкусовым ощущениям слова. Прием пищи превращается в науку, одержимую словами. Ты больше никогда не будешь просто есть.

«Овсянки», «бэки», «фицы» – как только не называют официантов. Трудно сказать, что, собственно, подразумевает эта профессия. Она ведь лишена амбиций в привычном понимании. Приносишь, уносишь... Нет ни карьерных взлетов, ни падений. Конечно, это работа, как любая другая, а еще своего рода прибежище или переходный период. Приносишь, уносишь... ждешь... ждешь, когда начнется настоящая жизнь.

Быстрый, легкий заработок – с течением вечера растут и исчезают скользкие купюры. Для тех, у кого есть конкретные цели, кто точно понимает, чего хочет, такая работа может стать трамплином. Большую часть этих истин я без труда усвоила, когда в возрасте двадцати двух лет меня наняли в ресторан.

Там многое привлекало: деньги, ощущение защищенности, вроде как стабильность, возможность переждать невзгоды. Не понимала я того, что очутилась словно за проволочным забором: мир вовне перестал существовать, а мир внутри... Память сохраняет лишь дробящуюся на мгновения лихорадочную спешку и безумие. Девяносто процентов работавших в ресторанном бизнесе даже не укажут опыт в резюме. Мы можем упомянуть о подобном вскользь, напирая на такие качества, как трудовая дисциплина и стойкость – эдакий наградной знак бедствия, как у жертв землетрясения или отслуживших в армии. Вот, пожалуй, и все.

Как и другие, в Большое Яблоко я приехала на машине. Набитой дорогим для меня (так казалось) хламом, который я вскоре вышвырнула в помойку: DVD-диски, которые скоро утратили свой смысл, коробку с цифровыми и пленочными фотоаппаратами для все еще скрытого таланта, роман Керуака «В дороге», который я так и не дочитала, и современный шведский торшер из «Колмарта». Я проделала долгий путь из местечка такого маленького, что его не найти даже на подробной карте.

Кто-нибудь вообще приезжает в Нью-Йорк налегке? Боюсь, нет. Но, пересекая Гудзон, я думала, что пересекаю Лету, млечную реку забвения. Я забыла, что у меня была мать, которая сбежала прежде, чем я открыла глаза, и отец, который невидимкой скользил по комнатам нашего дома. Я забыла о чередѐ людей в моей жизни, такой же реденькой, как проволочная сетка, и равно не способной уловить того, что я хотела им сказать. Я забыла, как ехала по проселкам среди иссохших полей под давящим оком звезд и ничегошеньки не чувствовала.

Да, я хотела сбежать. Но от чего? От столпов футбола и церкви? От низеньких, линиялых домов, что стоят внутри квартала, где нет детей? От утра, проводимого за «Газетт» и покупными пончиками? От тихой, сентиментальной серости? Это не имело значения. Я никогда этого не узнаю, ведь моя жизнь, как и жизнь большинства, тянулась незаметно, но безостановочно.

Давайте считать, что я родилась в конце июня 2006 года, когда в семь утра пересекала мост Джорджа Вашингтона под лениво встающим, прихорашивающимся солнцем, когда небо полно ярких отсветов, когда его еще не спрятали выхлопы, не расчертила жара, родилась в машине с опущенными окнами, где радио ревело о невероятных надеждах, родилась открытой, открытой, открытой...

Тем оппортунистичным утром глаза у меня были налиты кровью, волосы – сальными, а шея ныла от попыток поспать пару часов на обочине. Но главным оставалось покалывание – точно докрасна раскаленной иглой – в груди, которое не давало снять ногу с педали газа и заглянуть в зеркальце заднего вида.

Кислое. Лимонный сок, от которого сводит скулы, тонкокожие лаймы, свернувшийся кефир, йогурты и разные уксусы. Литровые контейнеры лимонов у рабочих станций поваров. Когда Шеф орал: «Тут нужна кислинка!», они

кромсали лимоны. После в воздухе витал едкий запах, признак пищи, наполненной жизнью.

Про необходимость оплачивать проезд по трассе я не знала.

– Я не знала. Может, пропустите на первый раз? – сказала я тетеньке в будке.

Тетка в будке осталась непреклонна, как обелиск. Мужик в машине позади меня начал давить на гудок, потом – следующий за ним, пока мне не захотелось спрятаться под рулевое колесо. Тетка махнула, мол, мне надо съехать на обочину, где я дала задний ход, развернулась и оказалась лицом в ту сторону, откуда только что приехала.

Съезд привел меня в лабиринт промзоны, и каждый следующий поворот все больше сбивал с толку. Меня обуял иррациональный страх, что я не сумею найти банкомат и придется возвращаться. Я свернула на стоянку у «Данкин Донатс», сняла двадцать долларов и посмотрела остаток на счету: 146 долларов. Сходила в туалет и умылась. «Почти на месте», – сказала я своему засиженному мухами и измученному отражению в зеркале.

– Можно мне большой ореховый рафф со льдом? – попросила я у официанта.

Отдышливый толстяк за стойкой обслуживил меня взглядом.

– Так вы вернулись? – Он отдал мне сдачу.

– Простите?

– Вы были тут вчера. Заказали такой же кофе.

– Нет. Я. Ничего. Не. Заказывала, – ответила я отдельно и для надежности помотала головой. Вообразила себе, как выхожу из машины вчера, завтра, каждый день моей новой жизни, заехав на стоянку при «Данкин Донатс» в долбаном Нью-Джерси и заказываю этот самый кофе. От одной мысли мне стало тошно.

– Я не заказывала, – повторила я, снова помотав головой.

– Вот, пожалуйста, – сказала я тетке в будке, победно опуская окно.

А она, задрав бровь, заложила большие пальцы за форменный ремень. Я протянула ей деньги, точно это сущий пустяк.

– Можно мне теперь проехать?

Соленое. Рот наполняется слюной. Масло из Бретани, плавящееся от прикосновения. Кристаллы розовой соли из Гималаев, матовые серые катышки – из Японии. Бесконечный поток кошерной соли, льющейся из руки Шефа. Подсаливание – целое море нюансов, блюдам всегда требуется еще. Мало соли, и пища кажется пресной, много – она погибла.

Друг одного друга одного друга по имени Джессе. Свободная комната за 700 долларов в месяц. Район под названием Уильямсбург в Бруклине. Город словно тисками душила жара, дневные газеты пестрели новостями о людях, мрущих в Квинсе и на внешних окраинах, где отрубалось электричество. Копы раздавали пакеты со льдом – плавящееся, утекающее сквозь пальцы утешение.

Улицы были просторны и пустынные, и я припарковалась на Реблинг, сразу после съезда с моста. Солнце стояло в зените, в тень спрятаться негде, и все будто закрыто. Я шла на Бедфорд-авеню в поисках признаков жизни и, увидев кофейню, подумала, не спросить ли, вдруг им нужен бариста. Но когда я заглянула в окно-аквариум, ребята внутри, скорчившиеся над ноутбуками, с поджатыми губами, пирсингом, такие худые, показались настолько взрослее меня. Я-то обещала себе, что найду работу быстро и без раздумий – официанткой, бариста, – да какую угодно, лишь бы зацепиться. Но когда я приказала себе открыть дверь, моя рука заупрямилась.

Небо со стороны набережной расчертили скелеты небоскребов, встающих из подлеска невысоких строений. В жарком мареве они походили на ошибки в рисунке, затертые ластиком. Над заросшим сорняком заброшенным участком поскрипывала ржавая вывеска заправки «Мобайл». Повсюду свидетельства упадка.

Мой новый сосед оставил ключи в баре рядом с квартирой. Днем по будням он работал в офисе поближе к центру и не мог меня встретить.

Бар «У Клема» оказался темной забегалкой на выбеленном светом углу, и кондиционер в ней гроыхал, как дизельный мотор. Едва я вошла, он обрызгал меня, и несколько секунд я могла только моргать в потоках тепловатого воздуха.

Бармен сидел, привалившись к заднему столику и закинув ноги на самую стойку. На нем была усыпанная заплатками и заклепками джинсовая жилетка на голое тело. Перед ним сидели две женщины в желтых набивных платьях, крутили соломинки в высоких бокалах. Ни один из троих не удостоил меня ни словом.

– Ключи, ключи, ключи, – забормотал в ответ на мою просьбу бармен.

Мало того, что исходившая от него вонь ударила мне в нос уже с расстояния в пару шагов, так бармен еще и был покрыт потрясающими – демоническими – татуировками. Кожа у него на ребрах казалась приклеенной. Висячие усы напоминали хвостики школьниц. Вытащив кассу, он швырнул ее на стойку и стал рыться в ящике под ней. На свет появились стопки кредитных карт, иностранная мелочь, конверты, квитанции. Банкноты трепетали в зажимах.

– Ты девчонка Джессе?

– Ха, – откликнулась одна женщина у стойки. Прижав бокал ко лбу, она катала его взад-вперед. – Вот умора!

– Это на углу Реблинг и Второй, – подсказала я.

– Я тебе что, агент по недвижимости? – Он швырнул мне пригоршню ключей с цветными пластмассовыми бирками.

– Эй, не пугай ее, – встряла вторая.

Они не слишком походили на сестер, но обе были мясистые, груди и плечи у них поднимались из топов на бретельках, как фигуры на носу корабля. Одна была блондинка, другая – брюнетка, а когда я присмотрелась, то поняла, что платья у

них определенно одинаковые. Они вполголоса перебрасывались только им двоим понятными шуточками.

И как я собираюсь тут выжить? Кому-то придется измениться – либо им, либо мне. Я нашла ключи с биркой «Реблинг 220». Бармен нырнул под прилавок.

– Большое спасибо, сэр, – сказала я в пустоту.

– О, не за что, мэм. – Он снова вынырнул и теперь строил мне глазки.

Открыв банку пива, он пальцем приподнял усы и провел по ним языком, все это время не сводя с меня глаз.

– О'кей. – Я попятилась. – Ну, может, я еще зайду... Ну... вроде как... выпить.

– Жду с распростертыми объятиями, – сказал он, поворачиваясь ко мне спиной. Но вонь с собой не забрал.

Уже выходя на палящий зной, я услышала, как одна женщина говорит другой:

– Ох ты боже мой! – А потом бармену: – Гребаный район уже не тот.

Сладкое. Гранулированный, истолченный, коричневый, тягучий, как мед или патока, – сахар. Обволакивающий небо молочный сахар – лактоза. Когда-то, когда мы были дикими варварами, сахар нас пьянил, – первый наркотик, которого мы жаждали и по которому томились. Мы его приручили, рафинировали, но сок из персика еще хлещет, поднимаясь, как вода из забитой ливневки.

Не помню, почему я вообще пошла именно в тот ресторан.

Зато прекрасно помню – в малейших деталях – отрезок 16-й, ничем не примечательный, ничего не раскрывающий: безликая серая синева «Кофейни», батальон мусорных баков между нами и «Блю Уотер Гриль», за ним – бodega с

двумя карточными столами, где позволяют пить пиво. Туда официанты и даже старшие смены, не снимая униформы, ходили закупаться энергетиками в банках и мятными леденцами. Проулок, в котором повара подпирали стены, пока перекуривали между сменами. Укромные углы, где они курили траву и пинали крыс, роющих в мусоре. И углом глаза ловишь призрак чахлого сквера на площади.

Куда смотрел владелец, когда открывал ресторан? В будущее.

Когда я пришла, мне рассказали уйму историй. В восьмидесятых никто на Юнион-сквер не ходил, сказали мне. В то время тут только пара издательств обосновались. На смену тому городу пришел другой. «Хоул Фудз», «Барнс энд Ноубл», «Бест Бай» наслоились друг на друга. В Риме, когда прокладывают метро, находят целые культурные слои – с ремесленниками, политиками, портными, парикмахерами и барменами. Если начнете копать прямо тут, на 16-й, найдете нас, только помоложе, и затхлые забегаловки – те же, и старых бомжей в сквере – вероятно, тоже.

Что видели те первые официанты, когда пришли наниматься в восемьдесят пятом? Таверну, гриль, бистро? Мешанину из Италии, Франции и какой-то там нарождающейся американской кухни, в которую тогда никто не верил? Микс ингредиентов, который ну никак не мог слиться в одно целое? Когда я спросила старичков, что они видели, то услышала в ответ, мол, владелец создал ресторан такой, каких раньше не бывало. Они говорили, когда вошли, сразу почувствовали себя как дома.

Горький – всегда чуточку неожиданный. Кофе, шоколад, розмарин, лимонная цедра, вино. Когда-то, когда мы были варварами, горечь предостерегала об отраве. Вкусовые рецепторы все еще сопротивляются при встрече с ней. Мы их убеждаем: «Приспосабливайтесь», а еще «Наслаждайтесь».

Я слишком много улыбалась. Под конец собеседования уголки рта у меня скрипели, как колышки у палатки. На мне было черное платье на бретельках и кардиган из вареной шерсти – самое консервативное и взрослое, что имелось в моем гардеробе. В сумочке у меня лежали свернутые в трубочку с десятков копий резюме, а еще у меня имелся смутный план (если так можно назвать некий

нерешительный инстинкт, которому я обреченно заставляла себя следовать) – заходить в рестораны, пока меня не наймут. Когда я спросила у соседа Джессе, где мне искать работу, он сказал, что лучшие рестораны Нью-Йорк-Сити на Юнион-сквер. Уже через минуту после того, как я сошла с поезда, на кардигане проступили огромные сырые пятна пота, но верхняя часть платья была слишком открытой, чтобы его снимать.

– Почему вы выбрали Нью-Йорк? – спросил старший администратор по имени Говард.

– Я думала, вы спросите, почему я выбрала этот ресторан.

– Давайте начнем с Нью-Йорка.

По книгам, фильмам и сериалу «Секс в большом городе» я знала, как полагается отвечать. Там все говорят, мол, мечтали тут жить. Они подчеркивают слово «мечтали», растягивают его, надеясь, что это придаст ему искренности.

А еще я знала, что многие заявляют, мол, я приехала, чтобы стать певицей/танцовщицей/актрисой/фотографом/художницей/работать в сфере финансов/моды/книгоиздания, я приехала сюда, чтобы обрести власть/красоту/богатство/славу. И это всегда как будто означает: приехала, чтобы стать кем-то другим.

– Тут и выбора-то никакого нет, – ответила я. – Куда еще можно поехать?

– Ага, – протянул он и кивнул. – Эдакий зов, а?

Вот и все. «Ага». И у меня возникло ощущение, будто он понимает, что возможностей у меня не миллион, что этот город единственное место, достаточно просторное, чтобы вместить столь необузданное, несфокусированное желание. «Ага». Возможно, он знает, как я фантазировала, что круглые сутки живу на всю катушку. Возможно, он знает, как мне до сих пор было скучно.

Говарду под пятьдесят, у него интеллигентное, квадратное лицо. Волосы красиво поредели, подчеркивая пронизательные глаза, по которым видно, что

он из тех, кто не нуждается во сне. Солидный и прочный, расставленные ноги атлета уравнивают выпирающий живот. Умные, судящие глаза... Он барабанил пальцами по белой скатерти и смотрел оценивающе.

– У вас красивые ногти, – обронила я, глянув на его руки.

– Издержки профессии, – равнодушно откликнулся он. – Расскажите, что вы знаете о вине.

– Так, азы. В азах я разбираюсь. – Но подразумевала я, что знаю разницу между красным и белым вином, – куда уж дальше по части азов.

– Например... – Он оглядел зал, точно собирался взять вопрос с потолка. – Назовите пять благородных сортов винограда Бордо?

Я вообразила себе, как мультяшные виноградины с коронами на головах принимают меня своим шато: «Привет, – говорят они, – мы благородные сорта винограда из Бордо». Может, лучше солгать? Трудно сказать, будет ли здесь оценено признание в невежестве.

– Мер... ло?

– Да. Это первый.

– Каберне? Извините. По правде говоря, я мало пью бордо.

Вид у него стал как будто сочувственный.

– Разумеется, ценник у него чуток выше среднего.

– Ну да, – кивнула я. – В том-то и дело.

– А что вы пьете?

Первым моим порывом было перечислить различные напитки, которые я пила каждый день. И в голове у меня снова заплясали благородные виноградины,

распевая про рафф со льдом из «Данкин Донатс».

– Что я пью когда?

– При выборе бутылки вина чем вы руководствуетесь?

Я вообразила, как покупаю бутылку вина, исходя не из цены или близости к очереди к кассе, не из того, какое животное на наклейке, а руководствуясь критериями моего собственного вкуса. Картинка получилась такая же уморительная, как и благородные виноградины.

– Божоле? Это же вино?

– Вино. Божоле – c’et un vin de faineant et de radin[3 - «Мое вино – это вино лентяя и скупердяя» (фр.) – афоризм винодела из региона Божоле Марселя Лапьера.].

– Вот-вот.

– Какое крю предпочитаете?

– Не скажу точно, – ответила я, усиленно и фальшиво хлопая глазами.

– У вас есть опыт работы официантом?

– Да. Я много лет проработала в кофейне. Это есть в моем резюме.

– Я говорю про опыт работы в ресторане. Вы знаете, что значит быть официантом?

– Да. Когда блюда готовы, я выношу их и подаю клиентам.

– Вы хотели сказать, гостям.

– Гостям?

– Вашим гостям.

– Да, именно это я и хотела сказать.

Он нацарапал что-то сверху поверх моего резюме. Гости? Какая разница между клиентом и гостем?

– Тут говорится, что у вас диплом по английской литературе.

– Да, знаю. Звучит многообещающе.

– Что вы читаете?

– Читаю?

– Что вы сейчас читаете?

– Это связано с работой?

– Возможно. – Он улыбнулся. Его взгляд беззастенчиво и медленно скользнул по моему лицу.

– Э... Ничего. Впервые в жизни я ничего не читаю.

Я замолкла и посмотрела в окно. Сомневаюсь, чтобы кто-то, даже преподаватели, хотя бы раз спросили, что я читаю. Он до чего-то докапывался, и хотя я понятия не имела, чего он ищет, решила, что лучше подыграть.

– Знаете, Говард, если можно вас так называть, отправляясь сюда, я упаковала с собой несколько коробок книг. Но потом посмотрела вдруг на них внимательно. Эти книги были... не знаю... отражением того, кто я есть... я...

В моих словах было зерно истины, я так и чувствовала, что оно вот-вот выйдет на свет, я пыталась сказать ему правду.

– Я их оставила. Вот что я имею в виду.

Он слушал, подперев щеку аристократической рукой. Нет, он внимал. Я почувствовала, что меня поняли.

– Да. Удивительное чувство – оглядываться аналитическим взглядом на страстные прозрения юности. Но, возможно, это хороший знак. Знак того, что наш разум меняется, что мы растем над собой.

– Или это может означать, что мы забыли себя. И мы снова и снова себя забываем. И это великий взрослый секрет выживания.

Я смотрела в окно. Город равнодушно тек мимо. Если не получится, я и это тоже забуду.

– Вы писательница?

– Нет. – Передо мной снова сфокусировались стол и собеседник. Говард смотрел на меня в упор. – Мне нравятся книги. И все такое.

– Вам нравится все такое?

– Вы знаете, о чем я. Мне нравится, когда меня что-то задевает.

Он сделал еще какую-то пометку в моем резюме.

– А что вам не нравится?

– Что? – Я решила, что ослышалась.

– Если вам нравится, что вас что-то задевает, то что вам не нравится?

– Это обычные вопросы на собеседовании?

– Это необычный ресторан.

Улыбнувшись, он скрестил руки на груди. У меня возникло ощущение, что собеседование тут о чем-то большем, чем о приеме на работу.

– О'кей. – Я снова уставилась за окно. Хватит с меня. – Мне не нравится этот вопрос.

– Почему?

У меня вспотели ладони. Как раз в этот момент я поняла, что хочу тут работать. Хочу получить именно эту работу, в этом ресторане. Опустив взгляд на руки, я ответила:

– Чересчур личный.

– Ладно, – с ходу ответил Говард, бросил взгляд на мое резюме и взялся за старое: – Расскажите о какой-нибудь проблеме на вашем прошлом месте работы. Скажем, в той кофейне. Расскажите о проблеме и как вы ее решили.

Кофейня мне словно бы приснилась: едва я силилась вспомнить ее помещение, как оно растворялось. А когда я попробовала вспомнить скучную рутину: пробивание табелей и заказов, раковину, кассу, кофемолки, – сами предметы тускнели. А потом перед моим мысленным взором появилось жирная, злорадная физиономия.

– Была одна ужасная женщина. Миссис Паунд. Я про то, что она была невыносимой. Мы называли ее Молот. Стоило ей войти, все ей было не так: кофе обжег ей язык или на вкус как зола, музыка слишком громкая, черничным маффином она вчера отравилась. Она вечно грозила нас закрыть. Всякий раз, когда натыкалась на стол, говорила, мол, пусть наши юристы засучивают рукава. Она требовала яичницу для своей собаки. Ни цента не давала на чай. Ее все боялись. А чуть больше года назад ей ампутировали ступню. Диабет. Никто из нас не знал, да и откуда нам было знать? Она стала приезжать в инвалидном кресле, и все ухмылялись, ну вот конец, прощай, Молот.

– Чему конец? – спросил Говард.

– Ах да, про это я забыла. У нас не было пандуса. Надо было подниматься по ступенькам. Так что с ней более или менее было покончено.

– Более или менее?

– Но в том-то и суть истории. Однажды, когда она катила в кресле мимо, я встретила с ней взглядом, она просто сверлила меня глазами. Я хочу сказать, с неподдельной ненавистью. Не знаю почему, но я по ней скучала. Скучала по ее лицу. Поэтому я приготовила кофе и побежала за ней. Я перевезла ее через улицу в сквер, и она жаловалась на все: от погоды до несварения желудка. С тех пор это стало нашей традицией. Я варила ей кофе каждый день, даже приносила яичницу в контейнере для ее собаки. Сослуживцы надо мной потешались.

Мне вспомнились распухшие, варикозные ноги Молота, то, как она показывала мне культю из-под халата. Синевато-сизые пальцы.

– Это приемлимый ответ на ваш вопрос? Проблема, наверное, была в отсутствии пандуса. Решение – вынести кофе на улицу. Простите, я не слишком хорошо объяснила.

– Думаю, вы прекрасно все объяснили. Вы проявили доброту.

Я пожала плечами.

– На самом деле она мне нравилась.

Молот была единственным грубым человеком из всех, кого я знала. Она была несносна, исполнена горечи, но она не боялась наступить кому-то на мозоль. Она кому угодно все ноги бы отдала, и глазом не моргнув.

Именно та старуха стала для меня пропуском в ресторан. Я это чувствовала, но не понимала. Дочка ее племянницы дружила с другом моего нового соседа в Уильямсбурге. Наше прощание обернулось слезным – с моей стороны, не с ее. Я обещала ей писать, но наша недолгая дружба оборвалась всего через пару недель. Глядя на Говарда и идеально накрытый стол, на умело и со вкусом составленный букет гортензий между нами, я поняла, что он имел в виду, говоря «гость», а еще осознала, что никогда больше не увижу Молота.

– Вы тут поселились у кого-то? У подруги? У бойфренда?

– Нет.

– А вы храбрая.

– Да? Я тут около двух дней и чувствую себя довольно глупо.

– Ну, будет храбро, если продержитесь, глупо – если провалитесь.

Мне хотелось спросить, как мне распознать разницу и когда.

– Если поступите на работу сюда, чего бы вы ждали от будущего года?

Я забыла, что я тут на собеседовании. Я забыла про отрицательный баланс на счету в банке, про вспотевшие подмышки и благородные виноградины. Я сказала, что хочу учиться. Про прилежание и дисциплину.

Следующий год – это будущее. Я выросла с девчонками, у которых все мысли были о будущем: фантазировать о будущем, строить планы на будущее. Они говорили о нем с такой определенностью, что оно превращалось в прошлое. Мне нечего было привнести в эти разговоры.

У меня были мечты, были желания, но слишком одномерные и абстрактные, чтобы за них цепляться. Годами я видела, как впереди одевается в сияние некий абстрактный город. Годами я засыпала, убаюканная этими далекими, искусственными огнями. Однажды я без особого восторга бросила работу, однажды я оставила записку отцу, выехала, будто оглушенно, с подъездной дорожки и несколько дней спустя очутилась перед Говардом. Вот как ко мне пришло будущее.

Если бы я могла, то рассказала Говарду про образ, возникший у меня в голове по пути в большой город. Это была девушка, даже леди. У нас был одинаковый цвет волос, но она на меня не походила. На ней было верблюжье пальто и высокие сапоги. Платье под пальто было стянуто ремнем. В руках она несла несколько пакетов из бутиков, и, когда она задерживалась заглянуть в витрины, ветер взметывал полы пальто. Каблучки сапог выстукивали по брусчатке. У нее были любовники и расставания, психоаналитик, абонемент в библиотеку, знакомые, с которыми она сталкивалась на улицах и чьи имена она не могла вспомнить. Она принадлежала только себе самой. Увлечений и мнений, фобий и вкусов у нее было хоть отбавляй, и по ее походке сразу становилось очевидно, что она знает,

куда идет.

Пока я его благодарила, пока он перепроверял мои контактные данные, я не знала, что произошло и было ли это что-то хорошее или дурное. Я даже не смогла сразу вспомнить название ресторана. Пожимая мне руку, он задержал ее чуть дольше, чем следовало, и когда я встала, его взгляд скользнул по моему телу – взгляд не работодателя, а мужчины.

– Я не люблю мыть полы. И лгать, – сказала я, сама не зная почему. – Это первое, что приходит на ум.

Он кивнул и улыбнулся – хотелось бы мне сказать «про себя». Под коленками у меня взмокло, и уходя, я чувствовала, как он беззастенчиво пялится на мою задницу. У двери я спустила с плеч кардиган и выгнула спину, точно тянулась. Кто знает, как я получила работу, но в таких вещах лучше быть честной.

Во вкусе, сказал Шеф, главное – равновесие. Кислое, соленое, сладкое, горькое. Теперь твой язык закодирован. Умение распознавать и ценить вкусовые ощущения – свидетельство того, как ты относишься к миру, твоей способности упиваться горечью, даже жаждать ее, как жаждешь сладости.

II

С точки зрения декора ресторан ничем не выделялся, а в чем-то был даже уродливым. Нет, ни в коей мере не захудалым: покраска свежая, нигде ни пылинки, но все явно и вызывающе знавало лучшие времена. И картины на стенах были кричащие или откровенно несуразные, купленные в восьмидесятых или когда там еще, а потому давно устарели. Обеденный зал располагался на трех уровнях, словно их строили в разное время и лишь задним числом объединили. В одной части зала столики стояли скученно, в другой – реденько. Создавалось впечатление, словно хозяева решили распахнуть двери, так и не придя к единому мнению.

В первый день владелец сказал мне:

– Существует много способов доставлять людям удовольствие или радость. За это берется каждый художник. Но тут мы делаем нечто очень интимное. Мы производим то, что человек принимает внутрь себя. Мы подаем и продаем не пищу, а ощущения.

Две зоны ресторана были безупречны. Одна из них – оформленное как кафе пространство с тремя столиками в передней части зала у огромного витринного окна. Освещение тут менялось под стать свету с улицы. Одни клиенты – прошу прощения, гости – терпеть не могут сидеть у входа, зная, что отлучены от главного зала. А другие нигде больше сидеть не хотят. Эти столики часто держали для самых элегантных гостей, за ними редко оказывался любитель развалиться или кто-то, одетый в джинсу.

Владелец сказал: «Управлять рестораном – все равно что сотворить подмости. Убедительность зиждется на деталях. Мы контролируем то, как гости воспринимают мир: зрение, слух, вкус, запах, осязание. Это начинается у двери: с хостес и цветов».

И бара.

Бар словно бы выпал из времени: длинная, массивная стойка темного дерева, табуреты достаточно высокие, чтобы сидящему казалось, будто он парит. В баре звучала тихая музыка, тускло горели лампы, шум наслаивался мягкими перезвонами, колени касались колена соседа, мимо лица протягивалась рука, чтобы взять мерцающий мартини. Постукивание каблучков хостес, пока она провожала гостей у тебя за спиной. Сливающиеся в единую ленту проносимые мимо блюда, позвякивание бокалов, виртуозность барменов, единым движением возвращающих бутылки на место и одновременно подающих хлеб, принимая заодно заказ с заменами и усложнениями. Все завсегда и с порога приветствовали хостес вопросом: «У бара сегодня есть местечко?»

– Наша цель, – говорил владелец, – заставить гостей почувствовать, что мы с ними заодно. Любые деловые переговоры – да и вообще любой акт человеческого общения – зиждется на том, как ты располагаешь партнера.

Сам он говорил и выглядел как некое божество. «Нью-Йорк пост» иногда именовала его «мэром». Высокий, загорелый, красивый, с отличными белыми зубами, с безупречно легкой и четкой дикцией, с элегантными жестами. И внимала я ему соответственно – послушно сложив на коленях руки.

Но за словами чувствовалась напряженность, которую я никак не могла для себя объяснить. Какая-то фальшь слышалась в том, чтобы «заставить гостей почувствовать, что мы с ними заодно». Я оглядела помещение, и внезапно все предстало передо мной как валюта: столовые приборы, деревянные балки, величественная цветочная композиция, венчающая бар. Господи, подумала я, цель ведь – разбогатеть на том, что заставляешь людей испытывать удовольствие от траты денег! Мы не на их стороне, мы на стороне владельца. Все разговорчики про внимание к деталям, все красивые словечки – это же просто бизнес, верно?

А он тем временем говорил:

– Мы создаем мир такой, каким он должен быть. Нам незачем обращать внимание на то, каков он есть.

Когда вводная часть подошла к концу, мне хотелось поймать его взгляд и дать понять, что я все поняла. А еще мне хотелось спросить, сколько же я буду получать. Чуть погодя, когда он уже собирался уходить, я рискнула к нему подойти, и он посмотрел мне в глаза. Я замерла. Он произнес мое имя, хотя я ему не называлась. Он пожал мне руку и покивал так, словно уже простил все мои недостатки и запомнил мое лицо навечно.

Когда меня «наняли», оказалось, что на самом деле настоящую работу я еще не получила. Я получила лишь возможность пройти обучение на испытательном сроке. А пройдя его, смогу стать «бэком». Никто не потрудился объяснить мне смысл этого жаргонного словечка, но я поняла только, что это далеко не полноправный официант.

После ухода владельца Говард повел меня по узкой винтовой лестнице позади кухни в раздевалку без окон.

– Теперь ты новенькая, – сказал он. – Это налагает определенную ответственность.

И ушел, не прояснив, в чем, собственно, эта ответственность заключается. В углу раздевалки сидели двое латиносов в годах и женщина. До моего прихода они говорили по-испански, а теперь ели меня глазами. За спиной у них подергивался маленький электрический вентилятор. Я попробовала выдавить улыбку.

– Где мне можно переодеться?

– Прямо тут, Мами, – бросила женщина. Буйные черные волосы у нее были стянуты банданой, на лице дорожки от ручейков пота. Мужчины походили на уголовников с перекошенными рожками.

– О'кей.

Открыв шкафчик, я практически спряталась в нем, чтобы их не видеть. Говард велел мне купить белую рубашку на пуговицах, и я надела ее поверх топа, лишь бы не раздеваться. Рубашка душила, точно была из картона, почти сразу же по спине у меня побежал пот.

Они снова заговорили, обмахивались, подходили к маленькой раковине, плескали себе воду в лицо. Задняя часть раздевалки была заставлена стульями, вдоль стен выстроились кроссовки и тяжелые туфли на толстой резиновой подошве, испачканные чем-то белым и со стоптанном под ноль каблуком.

Воздуха не хватает, грудь у меня сдавливает...

Распахнулась дверь, и мужской голос спросил:

– Разве ты есть не хочешь? Ты идешь?

Я посмотрела на трио в углу, чтобы убедиться, что он обращается ко мне. У него была заурядная моложавая физиономия, но сейчас он раздраженно хмурился, насунив брови.

– Да нет, хочу, – ответила я. Есть мне не хотелось, но надо чем-то себя занять.

– «Семейный» почти закончился. Сколько тебе еще прихорашиваться?

Заперев шкафчик, я стянула волосы в хвост.

– Готова. Ты надо мной старший?

– Да, я над тобой старший. Я твой смотрящий. Урок номер один: если пропустишь «семейный», останешься голодной.

– Что ж, приятно познакомиться. Я...

– Я знаю, кто ты. – Он с силой захлопнул за нами дверь. – Ты новенькая. Не забудь пробить табель в начале смены.

В заднем обеденном зале столы были заставлены подносами из нержавеющей стали и мисками такого размера, что я могла бы в них купаться. Макароны с сыром, жареный цыпленок, картофельный салат, крекеры и заправленный маслом зеленый салат с тертой морковью. Кувшины чая со льдом. Все вместе походило на еду, привезенную кейтерингом для крупного мероприятия, но смотрящий сунул мне белую тарелку и поспешно начал накладывать себе «семейную» еду. А после ушел и сел за столик, даже не оглянувшись. Весь задний обеденный зал был занят персоналом, сюда собирались из всех отделов: официанты собрались в своем углу, за другими столиками – люди в белых халатах, женщины, снимающие наушники рации, мужчины в костюмах, поправляющие галстуки. Я пристроилась возле официантов на самом краешке стола – лучшее место, если мне потребуется сбежать.

Кто бы мог подумать, что обед между сменами окажется таким шумным и бурным? Измотанная кокетливая менеджер по имени Зоя постоянно поглядывала на меня, и выходило, что это, возможно, моя вина. Она то и дело выкрикивала числа или фамилии, фразы вроде «Секция шесть» или «Мистер Такой-то на восемь вечера», – но официанты как будто пропускали ее слова мимо ушей. Я же практически оглохла от крика и с натугой кивала головой. Я ничего в рот взять не могла.

Официанты походили на актеров – каждый по-своему идеально эксцентричный, но их манерность была отрепетированной. Я не могла отделаться от мысли, что

все это представление. Они были одеты в полосатые рубашки разных цветов, и каждый из них так выделялся, что их чудачества сливались в единое целое. Они играли на публику: огрызались друг на друга, хлопали в ладоши или по плечам, целовались, говорили наперебой, шумы и звуки наслаивались и расходились волнами, а я все больше горбилась на своем стуле.

Подошел Говард с десятком винных бокалов: он держал их вверх ногами за донышки, и они расходились во все стороны, как спицы в колесе. Следом приплелся молодой человек в костюме с бутылкой вина, завернутой в упаковочную бумагу. Говард разлил, и официанты стали передавать друг другу бокалы, но до меня ни один не дошел.

Когда Говард хлопнул в ладоши, все притихли.

– Кто хочет начать?

– «Пино», разумеется, – произнес кто-то.

– Старый Свет или Новый? – спросил Говард, пробегая глазами по залу.

На секунду его взгляд остановился на мне, и я уткнулась в тарелку. Я вспомнила все те разы, когда меня вызывали к доске, а я не знала ответ. Помнится, в четвертом классе я обмочилась от страха, и сейчас, наверное, со мной такое случится, если он меня вызовет.

– Старый, – ответил чей-то голос.

– Разумеется, – произнес кто-то еще.

– Конечно, Старый. Я про возраст. Смотрите, оно начало бледнеть.

– Так значит, мы про бургундское говорим.

– Теперь это вопрос дедукции, старик. – Этот официант поднял свой бокал и указал им на Говарда. – Послушаем тебя.

Говард ждал.

– Малость простоватое для «Кот-де-Бон».

– Оно выдохлось?

– Так я и думал, что оно выдохлось!

– Нет, оно идеально.

Все притихли. Я подалась вперед, чтобы посмотреть, кто это сказал. Она сидела по мою сторону стола, но между нами было слишком много народу. Я увидела только ее бокал. Ее голос, низкий, раздумчивый, продолжал, а бокал начал наклоняться:

– «Кот-де-Нюит»... М-м-м, ты нас балуешь, Говард. Жевре-Шамбертэн, разумеется. «Арман Жоффрей».

Она поставила бокал на стол. Насколько я могла судить, ни глотка не отпила. Вино мятежно преломляло свет.

– Двухтысячный год. Очень даже неплохо себя показывает.

– Согласен с тобой, Симона. Спасибо. – Говард хлопнул в ладоши. – Друзья, это вино к мясу, и не дайте сложному винтажу двухтысячного года сбить себя с толку. «Кот-де-Нюит» удалось изготовить несколько поразительных купажей, и они отлично пьются сегодня, прямо сейчас, сию минуту. Пока это чудо в наличии, поделитесь им с вашими гостями сегодня.

Все разом встали. Люди вокруг меня поставили свои тарелки на мою полную и ушли. Прижав стопку к груди, я протолкалась через распашные двери в кухню. Справа от меня прошли два официанта, и я услышала, как один фальшиво передразнил, кривляясь: «Ну, разумеется, «Арман Жоффрей», а шедшая с ним девушка закатила глаза. Кто-то прошел слева от меня и сказал:

– Что, правда? Ты не знаешь, как выглядит посудомоечная машина?

Я шагнула к тянувшейся через все помещение глубокой мойке-желобу, заставленной грязной посудой, и с извиняющимся видом сгрузила туда мои тарелки. Крошечный седой мужчина по другую сторону желоба обиженно запыхтел и, взяв мою стопку, соскреб объедки с тарелок в мусорный бак.

– Pinche idiota[4 - Гребаная идиотка (исп.)], – сказал он и сплюнул в желоб перед собой.

– Спасибо, – откликнулась я.

Может, я никогда в жизни прежде не совершала ошибок, и вот каково это? Словно руки у тебя соскальзывают с каждого крана. Словно растеряла все слова, не знаешь, где право, где лево, и даже на силу земного тяготения нельзя положиться. Я почувствовала, что мой надсмотрщик стоит за спиной, и резко развернулась, чтобы его схватить.

– Где мне...

Я потянулась к руке и слишком поздно заметила, что она не под полосатой тканью. Она была голая, и меня словно током ударило, когда я ее коснулась.

– О! Ты не мой человек.

Я подняла взгляд. Серые джинсы и белая футболка, рюкзак на одном плече. Глаза невероятно светлые, словно выбеленные непогодой, спектрально голубые. Вспотел и чуточку запыхался. Я резко втянула носом воздух.

– Я хотела сказать, ты не мой смотрящий. Ты не он.

Глаза у него были как тиски.

– Ты уверена?

Я кивнула. Он оглядел меня с головы до ног неприкрыто, беззастенчиво.

– А ты что за птица?

– Я новенькая.

– Джейк.

Мы оба повернулись. На пороге кухни стояла та самая женщина, знавшая толк в вине. Меня она словно бы и не заметила вовсе, зато на него ее взгляд был устремлен, как луч прожектора.

– Доброе утро. И когда же начинается твоя смена?

– Отвали, Симона.

Она довольно улыбнулась.

– Я тебе тарелку поберегла, – сказала она и развернулась к залу.

Резко качнулись распашные дери. И все, что я видела – его ноги, тяжело поднимающиеся по последним ступенькам.

Мне показали, как «крутить и складывать». Стопы упакованных в пластик, ослепительно-белых скатертей и салфеток. Сложить, загнуть, расправить. Обернуть специальными полосками и в стопку. Официанты это время использовали, чтобы посплетничать, погружались в это занятие с головой. Сложить, загнуть, сложить, подвернуть, расправить. Монотонность движений убаюкивала, вгоняла в транс. В переднике собирались пушинки. Никто со мной не заговаривал. По крайней мере, теперь я умею крутить салфетки, утешала я себя. Снова, и снова, и снова.

Я наблюдала за Джейком и Симоной. Он сгорбился у барной стойки над своей тарелкой, спиной ко мне, она говорила что-то, не глядя на него, постукивая по экрану терминала. Видно было, что у них есть что-то общее вне ресторана или глубоко под его поверхностью. Возможно, потому что они не смеялись и не перебрасывались шуточками, в них не было наигранности. Они просто разговаривали. И тут девчонка с носом-пуговкой и улыбкой дебютантки крикнула «Эй» и налепила жвачку на салфетку у меня на коленях – трансу конец.

Я неделями не поднимала головы. Попросила поставить мне как можно больше смен, и все равно возникла пугающая задержка с деньгами, пришлось ждать начала нового периода выплат. А когда он начался, зарплату я получила урезанную – из-за обучения и испытательного срока. Денег кот наплакал. С первой зарплаты я купила подержанный топчан за 250 долларов у пары, которая съезжала из квартиры этажом ниже.

– Не беспокойся, – сказали они, – клопов там нет. Он полон любви.

Топчан я купила, но меня любовь обескураживала больше клопов.

На другом конце спектра ресторанного «белья» – «ручники», так тут называли вафельные полотенца, использовавшиеся для протирки... ну... чего угодно. Каждый новый смотрящий начинал урок с вопроса «Про ручники тебе объяснили?», а когда я говорила «Да», отвечал: «Кто? Ну, этот вечно напортачит. У меня есть тайная заначка». Я заучила четыре разные мудреные системы управляться с тем, что, по сути, являлось тряпками, которые держали под замком.

Их вечно не хватало. Никогда не удавалось найти какое-то равновесие, добиться, чтобы на кухню и в бар их попадало поровну. На кухне всегда требовалось еще и еще. При подготовке зала забывали принести, сколько нужно, или бармены вдруг ударялись в санитарный загул. Неизбежно забываешь приберечь несколько для себя. Тот, кому не хватило ручников, вправе на тебя наорать. Когда просишь у менеджера еще, на тебя снова орут – за то, что растратила все ручники еще до начала смены. Если поклянчить (а клянчат все), менеджер отопрет шкаф и отсчитает еще десять. Никому на свете про лишние десять ручников нельзя говорить. Ты их прячешь, а потом героически выдаешь в кризисных ситуациях.

– Кухня – это храм, – заорал на меня Шеф, когда я задала вопрос моему смотрящему. – Никакой болтовни, мать твою!

На кухне блюли тишину. Входили на цыпочках. Одному только Говарду позволялось обратиться к Шефу напрямую во время смены. Иногда такое пытались проделать другие менеджеры, и им едва не откусывали голову. Возможно, тишина помогала поварам, но из-за нее научиться чему-то сложному становилось невозможно.

Между сменами я ходила в «Старбакс», где пахло, как в туалете, и выпивала одну чашку кофе. Вечером выходного дня я покупала «корону» в бodega и пила, сидя на моем топчане. Я так уставала, что не могла допить бутылку. Бутылки – полупустые или с теплым пивом на донышке – запрудили мой подоконник, пиво выглядело как моча, свет сквозь него сочился желтый. В ресторане я прятала в сумочку куски хлеба и по утрам делала себе тосты. Если у меня выпадали двойные смены, я в пересменку дремала на скамейке в сквере. Я спала как каменная, бездыханным сном, мне снилось, что я уйду под землю, и я чувствовала себя в безопасности. Иногда я возвращалась в ресторан со следами от травинки на щеке.

Никаких имен. Я никого не знала. Я выискивала любые приметные черточки: татуировки, кривые или сверкающие от пасты зубы, цвет помады, акцент, некоторых я узнавала по походке. Нет, мои смотрящие не утаивали информацию. Просто я была слишком глупа, чтобы разом запоминать номера столов и фамилии.

Наверху иерархии находились старшие официанты на окладе, которые работали почти десять лет и никогда не уволятся. Мне объясняли, что этот ресторан отличается от других: во-первых, солидные чеки в день зарплаты, во-вторых, медицинская страховка, больничные. Некоторым официантам на сдельщине даже повышали почасовую оплату. У здешних сотрудников были дома, дети, они ездили в отпуск. Официанты – Улыбка-Дебютантки, Очки-Кларка-Кента, Патлы-и-Пучок, Седой-Толстяк работали тут по многу лет. Даже бэки (наконец-то я поняла, кто они такие: младшие официанты на подхвате, не имеющие права принимать заказ) Подлая-Девка, Русский-Капризуля и мой первый смотрящий, которого я прозвала Сержантом за то, как он мной командовал, – оттрубили по меньшей мере года три.

Симону я нарекла Винной-Женщиной. Она и Очки-Кларка-Кента работали тут дольше всех. Один мой смотрящий назвал ее «древом познания». Перед каждой сменой метрдотель перекраивал план посадочных мест, потому что завсегдатаи

требовали, чтобы их сажали в ее секцию. Другие официанты выстраивались в очередь, чтобы задать ей вопрос или посылали ее к своим VIP-столам с картой вин. Меня она не удостаивала и взглядом.

А потный Джейк? В те недели обучения я больше его не видела. Я решила, что он тут оказался случайно, может, просто подменял кого-то. А потом, когда я в пятницу вечером пришла за своим первым чеком, то увидела его. А увидев, пригнула голову. Он был барменом.

– Так я слышал, ты бариста, – протянул Патлы-и-Пучок. – Ну, тогда мне сегодня работенка выпала непыльная.

Скептицизм в его голосе был вполне оправдан. Передо мной высилась кофемашина словно бы с другой планеты. Все серебряное, футуристичное, элегантное. Явно поумней меня.

– На «Ла Марзокко» когда-нибудь работала?

– Прошу прощения?

– Кофемашина, «Ла Марзокко». «Кадиллак» среди кофемашин.

Ладно, ладно, подумала я. Я умею варить долбанный кофе. Даже «Кадиллак» – это, в конце концов, всего лишь машина. Я нашла портафилтры, темперы, сливные патрубки.

– Вы, ребята, на смеси какого типа готовили?

– Того, что привозят в больших мешках, – сказала я. – Кофейня была не для гурманов.

– Вот черт. Ладно. Просто, я слышал, ты была бариста. Не страшно, я тебя научу, а потом мы спросим у Говарда...

– Нет, нет. – Я отсоединила портафилтёр. Поворот запястья – и гуща полетела в мусорный бак. – Где у тебя ручки?

Он протянул мне один, и я прочистила сетку.

– Вы, ребята, таймерами пользуетесь или еще чем?

– Глазами.

Я сделала глубокий вдох.

– О'кей.

Я включила кофемолку, протерла пароотвод, прогнала пар через рожок, 25 секунд – идеальный эспрессо. Сама как-нибудь отсчитаю.

– Один капучино, сию секунду.

Я заучивала меню, я изучала руководство. В конце каждой смены кто-нибудь из менеджеров меня экзаменовал. Я обнаружила, что даже если не знаешь, что вообще такое «Запеканка с лобстером» (даже вообразить ее себе не могу!), но знаешь, какое у нас блюдо дня по понедельникам, испытание выдержишь. И пусть я понятия не имела, что означает фраза «наши принципы», все равно без запинки тарабанила эти принципы Зое.

– Первый принцип – заботиться друг о друге.

– А ты знаешь, что такое пятьдесятдинпроцентник?

Сидя за письменным столом у себя в офисе, Зоя ела стейк-онглет[5 - Стейк из мясистого края диафрагмы, мышца расположена близко к внутренним органам, поэтому имеет привкус печени.]. Она гоняла кусочек его по картофельному пюре и карамелизованному луку-порею. Я была такая голодная, что мне хотелось залепить ей пощечину.

– Э...

Я забыла, как владелец говорил мне: «Вас наняли, потому что вы пятьдесятднапроцентница. Такому нельзя научить, с этим надо родиться». Я понятия не имела, что это значит. Я уставилась на плакат «Меры скорой помощи поперхнувшемуся костью». Задышающийся мужик на плакате выглядел таким спокойным, что я ему позавидовала.

49 процентов работы – механика. Эту работу может выполнять кто-угодно. Тут все просто: запомнить номера и расположение столов, научиться ставить тарелку на ладонь, и еще две-три на руку до локтя, вызубрить все пункты в меню и их ингредиенты, помнить об уровне воды в стаканах, не пролить ни капли вина, чисто убирать столы, знать правила сервировки, уметь пробивать заказы, знать основные характеристики основных сортов и основных винных регионов всего мира вина, знать происхождение тунца, уметь подобрать вино к фуа-гра, знать, из какого молока производят тот или иной сыр, знать, что пастеризовано, что содержит глютен, что содержит орехи, знать, где лежат дополнительные соломинки, уметь считать... Уметь приходить на работу вовремя.

– А остальное что? – спросила я у смотрящего, переводя дух и промакивая подмышки бумажными полотенцами.

– А, пятьдесят один процент. Вот это как раз сложно.

Дома, сбросив пропотевшие рабочие джинсы, я отвернула крышку с бутылки «пасифико» (поскольку «корона» в бодеге закончилась) и села на свой топчан читать руководство. Я – из пятидесяти одного процента, сказала я себе. Вот это я:

– оптимизм и тепло (искренняя доброта, забота и сознание того, что стакан всегда наполовину полон);

– интеллект (не просто «ум», а неутолимое любопытство и желание учиться ради самой учебы);

- профессиональная этика (природная потребность делать что-то настолько хорошо, насколько это вообще возможно);
- эмпатия (умение сопереживать и внимание к тому, что испытывают окружающие, понимание того, как сказываются на них ваши действия);
- самоосознание и честность (понимание собственных побуждений и естественная склонность поступать правильно, проявляя открытость и превосходный здравый смысл).

Откинувшись на топчан, я расхохоталась. Пусть редко, но я вспоминаю про моих бывших сослуживцев в заштатной кофейне (там наше обучение свелось к тому, чтобы научиться включать тэн для подогрева воды), – посмотрели бы они сейчас, как я потею, ношусь и тарабаню это руководство, не видя перед собой ничего дальше пяти футов. Посмотрели бы они, как каждую минуту смены я провожу в слепой панике, а потом мы вместе над этим посмеялись бы.

Угол 2-й и Реблинг оккупировали семьи пуэрториканцев, сидевших в шезлонгах, подтянув поближе переносные холодильники. Взрослые лениво играли в домино. Детишки визжали в фонтане на месте развороченного пожарного гидранта. Я смотрела на них и думала про кофейню на Бедфорд, куда испугалась зайти по приезду. Теперь я, пожалуй, могу туда заглянуть. Я скажу: «Ну да, я работала на «Ла Марзокко». Как, вы не знаете, что это?»

Но этого мне было бы мало. Истина оказалась довольно проста: в том ресторане – будь я просто бэк, бариста или официантка – там я не абы кто. И я не стала бы утверждать, что дело в «пятидесяти одном проценте», такой ярлык слишком уж смахивал на работа. Но я чувствовала себя отмеченной, избранной. Чувствовала, что меня выделили, не мои сослуживцы, которые меня презирали, нет, меня выделил и отметил сам город. И всякий раз, когда меня тянуло пожаловаться, застонать или закатить глаза, я улыбалась.

III

И однажды я взбежала по лестнице в раздевалку, а за мной следом поднялась тетка из офиса. Сама она была в унылой, однотонной хламиде, зато в руках

несла три вешалки с накрахмаленными полосатыми рубашками «Брук Бразерс» – из тех андрогинных рубашек, которые балансируют на грани между конференц-залом и цирком.

– Поздравляю, – сказала она тоном таким же скучным, как ее одежда. – Вот твои «полоски».

Повесив рубашки в шкафчик, я долго на них смотрела. Я уже не на испытательном сроке. У меня есть работа. В самом популярном ресторане Нью-Йорк-Сити. Я пощупала рубашки, и это случилось: груз с меня спал. Все, я окончательно сбежала. Я подумала про самый сложный механизм большого города и поняла, что стала необходимой для его работы шестеренкой. Я надела рубашку в синюю полоску. Мне почудилось, что на меня повеяло легким бризом. Я словно бы понемногу приходила в себя от анестезии. Я видела перед собой человека, я узнавала личность.

Она остановила меня, не успела я сделать несколько шагов в обеденный зал, в руке у нее был бокал вина. У меня возникло мимолетное ощущение, что она очень давно меня поджидает.

– Открой рот, – велела Симона, величественно вздернув подбородок.

Мы уставились друг на друга. Перед каждой сменой она подкрашивала губы бескомпромиссно-алым. У нее были темно-русые волосы, непокорные, мелко вьющиеся, опушающие перышками лицо – как у рок-богини семидесятых. Но само лицо было строгим, классическим. Она протянула мне бокал и стала ждать.

В силу то ли случайности, то ли привычки я опрокинула вино, как текилу.

– Теперь открой рот, – приказала она. – Воздух должен взаимодействовать с вином. Они расцветают вместе.

Я открыла рот, но вино-то уже проглотила.

– Дегустация вина с гостями сущий фарс, – продолжала тем временем она: глаза закрыты, нос почти погружен в бокал. – Единственный способ познакомиться с

вином – провести с ним несколько часов. Позволить ему измениться, а потом позволить ему изменить тебя. Чтобы вообще что-то узнать, надо с этим пожить.

На следующий день у меня был выходной, и мне хотелось отпраздновать. Я решила устроить себе экскурсию в Метрополитен. Официанты вечно болтали про то, куда ходили: концерты, фильмы, спектакли, шоу, выставки. Я ни слова не понимала из того, о чем они болтали, хотя и прослушала курс введения в историю искусства в колледже. В музей я пошла потому, что надо же мне было вносить свою лепту в разговор, пока крутим салфетки.

Не знаю, как долго я пробыла в городе, но, поднявшись из подземки на 86-й, я вдруг сообразила, какой зашоренной была моя жизнь. Мои дни ограничивались пятью кварталами от станции до Юнион-сквер, поездом линии L и пятью кварталами в Уильямсбурге. Поэтому, когда передо мной возникли деревья Центрального парка, я вслух рассмеялась.

При виде фойе Метрополитен, этого священного лабиринта, у меня уместно перехватило дыхание. Я воображала, как лет через десять у меня будут брать интервью. Не строгое собеседование у Говарда, где я была как на допросе, а настоящее интервью, где мной будут восхищаться. И благожелательный репортер спросит меня о моем жизненном пути, а я в ответ скажу, мол, очень долгое время считала, что ничего из меня не выйдет, мол, мое одиночество было столь всеобъемлющим, что я просто не могла строить планы на будущее. И что это изменилось, когда я попала в большой город, границы моего настоящего раздвинулись и мое будущее прибежало вприпрыжку.

Я ограничилась галереями импрессионистов. Репродукции этих картин я сотни раз видела в книгах. А тут были залы, в которых посетители могли подремать, залы, полные очевидно привлекательного. Само тело впадало в своего рода кому от мириад воображаемых ландшафтов, но тех, у кого разум ясен, картины гальванизировали. Они бросали вызов, нарывались на конфронтацию.

«И это подтвердило то, что я всегда подозревала, – сказала бы я моему интервьюеру, – что до приезда в город моя жизнь была лишь репродукцией».

Когда закончились залы, я начала по новой: Сезанн, Моне, Мане, Писсарро, Дега, Ван Гог.

«Вот чего я хочу, – сказала бы я, указывая на кипарисы Ван Гога. – Видите, как вблизи размыто и страстно? А с расстояния целостно?»

«А как же любовь?» – спросил бы без подсказки интервьюер, пока я всматривалась в яблоко и кувшин с водой Сезанна. На мгновение перед моим мысленным взором возникли красные губы Симоны, задающей тот же вопрос.

«Любовь?» – Я оглядела галерею в поисках ответа.

Оказывается, из импрессионизма я забрела в ранний символизм. Еще минуту назад я могла бы поклясться, что зал переполнен, а теперь он был почти пуст, если не считать пожилого мужчины, опирающегося на палку, и женщины помоложе, поддерживающей его под локоть. В машине на трассе я говорила себе, что я не из тех девушек, которые переезжают в Нью-Йорк, чтобы влюбиться. Теперь – перед судом импрессионистов, Симоны и старика – мои отрицания казались хлипкими.

«Ничего пока про это не знаю», – сообщила я.

Я подошла поближе к старику и его подруге. Его огромные уши выглядели так, словно были вырезаны из воска, и я была уверена, что он глух. Слишком уж он был мирным. Мы смотрели на женщину в белом Климта – на Серену Ледерер, как гласило название. Безусловно, это была не самая рискованная его работа и резко контрастировала с его поздними, раззолоченными эротичными произведениями. И хотя его Серена походила на девственную колонну, в ее лице светилась сдержанная радость. Я вспомнила что-то про роман художника и натурщицы, слухи о том, что ее дочь на самом деле была от Климта. Серена высилась над нами троими, совершенно равнодушная к тому, что на нее пялятся. Прежде чем уйти, старик мне улыбнулся.

«Покажи мне», – попросила я женщину в белом. Мы всматривались друг в друга и ждали.

Когда я сошла с поезда, улицы словно бы сияли. Я зашла в винный на углу Северной 6-й и Бедфрод. У мужика за прилавком были длинные волосы и усталые собачьи глаза, но эти глаза были ярко-голубые, и он приглушил «Бигги», которые орали из магнитофона, когда я вошла.

Я просмотрела все до единой бутылки, но не нашла ничего знакомого. Через десять минут я, наконец, набралась храбрости спросить:

– У вас есть недорогое шардоне?

Мужик спрыгнул с прилавка. Почему-то и сам он, и его одежда были заляпаны краской, а за ухом торчала сигарета.

– Вы какое шардоне любите?

– Э... – Я сглотнула. – Французское?

Он кивнул.

– Ага, другого ведь и не бывает, верно? Куда там до него калифорнийскому пойлу! Как вам это? У меня есть охлажденное.

Заплатив, я прижала пакет к груди. Я бросилась домой, опрометью перебежала на другую сторону Грэнд, чтобы мою радость не испортили демоны, развалившиеся и шатающиеся перед «У Клема». И на четыре пролета лестницы я тоже бежала, перемахивая через две ступеньки, позаимствовала штопор и кружку Джессе и последний пролет неслась во весь опор, а на крышу выскочила, точно собиралась взлететь.

Небо было как на картинах. Нет, картины пытались передать этот закат. Небо горело огнем и плевалось искрами, оранжевые облака были оторочены пурпуром, как пеплом. Окна каждого небоскреба на Манхэттене зажглись, точно сами здания снедало пламя. Я задыхалась, была перевозбуждена после музея. Сердце у меня ухало. Голос произнес: «Придется тебе с этим жить», а другие загомонили: «У тебя получилось! У тебя получилось», и у этого оглушительного, жгучего хора я спросила: «Что получилось? С чем жить?»

Я нечаянно застучала их в раздевалке. Сидя на свободном стуле, закинув ногу на ногу, Симона уже в форменных «полосках» говорила громко. Джейк перед своим шкафчиком застегивал рубашку. Оба удивленно воззрились на меня. Обвиняющая тишина.

– Извините. Мне уйти?

– Конечно, нет, – сказала она.

Но ни одна, ни другой ничего не добавили. Глядя на меня, Джейк стащил джинсы, переступил через них и снова повернулся к Симоне.

– Не обращай на него внимания, – сказала она. Прозвучало как приказ, и я повиновалась. Я отвела взгляд.

– Пошел! – крик Шефа звучал как вызов или пароль. Правильным отзывом было «Беру!»

– Шесть и шесть. Сорок Пятый, на двоих, – изрек Шеф. Его глаза не отрывались от ленты тикетов из сервис-принтера. – Пошел!

Выбросив вперед руки, я схватила поднос. Шел еще один день давящего зноя. По всему городу отказывали кондиционеры. Протиснувшись в тепловатый обеденный зал, я заметила, что на блюде с устрицами у меня в руках плавится лед. Среди подтаявших осколков льда плавали бледно-голубые тушки. Выглядело отвратительно. Выражение «Шесть и шесть» ничего для меня не значило. Я забыла проверить, какие у нас сегодня устрицы. Я забыла, к какому столу мне идти. Мимо проплыла Симона, и я потянулась к ней.

– Извини, Симона, но какая устрица тут такая? Ты не знаешь?

– Помнишь, как их пробовала? – Она даже не взглянула на тарелку.

За «семейным обедом» я устриц не попробовала. Я не посмотрела в пометки к меню.

– Помнишь, как их пробовала? – снова спросила она, на сей раз медленно, словно у умственно отсталой. – Устрицы с Восточного побережья поменьше. В них больше морской соли, больше минеральности. Устрицы с Западного побережья поупитанней, более сливочные, более сладкие. Они даже внешне различаются. У

одних раковина плоская, у других – более выпуклая.

– О'кей, но какая на этом блюде какая?

Я поднесла блюдо поближе к ней, но она отказывалась смотреть.

– Они уже в воде плавают. Отнеси их назад Шефу.

Я затрясла головой. Решительно нет.

– Ты не будешь такие подавать. Отнеси их назад Шефу.

Я снова затрясла головой, но закусила губу. Мысленно я увидела, что меня сейчас ждет. Его гнев, его ор из-за растраты продуктов, мое смущение. Но я могла бы посмотреть в пометки к меню, пока буду ждать следующую порцию. Я смогу услышать снова номер стола. Я справлюсь.

– Ладно...

– В следующий раз посмотри на них, но пусти в ход язык.

Менеджеры укрепляли свой авторитет, переставляя то и это в зале. У станций официантов они перемещали блокноты и сдвигали чеки, на барной стойке перекладывали с места на место тикеты. Они доставали бутылки белого вина из ведерок со льдом, вытирали их и заново расставляли в новом порядке. Они останавливали тебя, когда ты бежала мимо, явно спешила, и спрашивали, как ты тут обживаешься.

Симона сохраняла свой авторитет за счет центробежной силы. Куда бы она ни направилась, ресторан словно бы тянулся за ней, подхваченный попутным ветром. Она руководила остальными официантами за счет умения концентрировать и перенаправлять их внимание – вектором служила ее собственная сфокусированность. Это она устанавливала правила и рамки, в которых протекала смена.

– Как зовут того бармена? Того, кто разговаривает только с Симоной? – спросила я у Саши. Я очень старалась говорить небрежно.

Саша принадлежал к нашему небольшому племени бэков. Он обладал какой-то неземной красотой, которая сделала бы его моделью: широкие, инопланетные скулы, яркие синие глаза, чуть припухшие, словно от укуса, надменные губы. Взгляд у него был таким холодным, что сразу становилось понятно, что он повидал все и вся, побывал богатым и бедным, влюбленным и брошенным, убийцей и на волосок от смерти – и ни одно из этих состояний особых восторгов у него не вызвало.

– Бармена? Джейк.

До сих пор я и не слышала, чтобы Саша разговаривал. Он был русским и, хотя явно бегло говорил по-английски, не давал себе труда придерживаться его правил. Акцент у него был элегантный и комичный разом. Нарезая хлеб, он делано закатил глаза.

– О'кей, Полианна, давай-ка расскажу тебе парочку прописных истин. Ты слишком уж новенькая.

– И что это значит?

– А что, по-твоему, это значит? Джейк съест тебя на обед и косточки выплюнет. Ты вообще знаешь, о чем я говорю? После такого уже не попрыгаешь.

Я пожала плечами, будто мне нет дела, продолжая наполнять хлебные корзинки.

– А кроме того. Он мой. Только тронь его, и я горло тебе, мать твою, перережу, помяни мое слово.

– Тишина на кухне! Пошел!

– Беру!

Помидоры были всех цветов: желтые, зеленые, оранжевые, пурпурно-красные, крапчатые, полосатые, пятнистые. Одни напоминали сморщенные головы, и другие готовы были взорваться соком. «Трещали по швам», как называл это Шеф, когда выпуклости и впадины как будто стремились разбежаться. Кухню заполнили странной формы, гадкие с виду помидоры. Они пахли как зеленая внутренность растений, как сок деревьев, как грязь.

– Сезон «наследственных», – нараспев произнесла Ариэль.

Она тоже была бэком. Даже в утреннюю смену она вечно накладывала уйму теней для век. Темно-русые волосы у нее буйно вились, она закручивала их в узел на макушке и втыкала в него палочки для еды. Мысленно я все еще называла ее Подлой-Девкой, потому что она отказывалась разговаривать со мной, пока я проходила обучение, только тыкала пальцем и преувеличенно горестно вздыхала. А сегодня она заявила с ведерком ледяной воды и раздавала из него сочащиеся влагой ручники поварам. Одни повязывали их на головы как банданы, другие вешали себе на шею. Такая доброта была совсем не в духе Подлой-Девки. Если уж на то пошло, я не видела, чтобы кто-то так щедро распоряжался своим запасом ручников. В голове у меня раздалось: «Наш первый принцип заботиться друг о друге».

Она и мне протянула тряпку. Я положила ее себе сзади на шею, и ощущение было такое, словно поднимаешься из сырого липкого облака в прозрачные и чистые слои горной атмосферы.

– Пошел!

– Беру, – произнесла я.

Я выжидательно смотрела на окошко раздачи, но никаких тарелок в нем не возникло. Вместо этого Скотт, молодой татуированный сушеф, протянул мне кусочек помидора. Внутренность у него была мультяшно-розовая, с красными прожилками.

– Сорт «Полосатое чудо» с фермы «Цветущий холм», – пояснил он, точно я задала вопрос.

Я держала дольку в ладони, а с нее тек сок. Взяв из пластмассового контейнера шепотку морской соли, Скотт стряхнул несколько кристаллов мне в ладонь.

– Когда они такие, главное, их не уморить. Им достаточно просто соли.

Я положила дольку в рот.

– Ух ты! – вырвалось у меня.

Я была потрясена. Мне и в голову не приходило относиться к помидорам серьезно. Все, с какими я раньше сталкивались, были беловатыми внутри, и почти каменными. Но этот был таким ароматным, таким терпким, что мне захотелось назвать его вкус «победительным». В тот день я узнала, что одни помидоры на вкус как вода, а другие – как летняя молния.

– А что такое «наследственные»? – спросила я у Симоны, пристроившись сразу за ней в очереди на «семейном обеде». В одной руке у нее было две белые тарелки, и при виде второй я испытала дрожь предвкушения. Я отметила, что она кладет себе: щедрую порцию зеленого салата и мисочку vichyssoise[6 - Луковый суп-пюре (фр.).].

– Восхитительно, да? Они всегда сезонные. «Наследственными» называют некоммерческие, то есть редкие или уникальные местные сорта овощей, какими их выращивали когда-то фермеры. Когда-то у нас все помидоры были такие. До пестицидов, до консервантов, супермаркетов и коммерческого ада ГМО, в котором мы живем. В различных местностях возникли свои специфические сорта и их варианты – на основе одного эволюционного принципа: они были лучше на вкус. Суть – не в длительном сроке хранения или безупречной форме. Все наши овощи когда-то были биологически разными, полными нюансов своего вида. Они отражали конкретные время и местность, где их вырастили, имели свой терруар[7 - Терруар – совокупность почвенно-климатических факторов и особенных характеристик местности (рельеф, преобладающие ветра, наличие водоемов, лесных массивов, засоленность почвы, окружающий животный и растительный мир), которая определяет сортовые характеристики сельскохозяйственной продукции, чаще всего вина, но говорят также о терруаре кофе, чая, оливкового масла.].

На вторую тарелку она положила самую большую, какую нашла, свиную отбивную на кости, ложку рисового салата и ломоть картофельного гратена.

– Теперь у нас все на вкус как ничто, – закончила она.

В моем сознании они практически сливались. Не в том дело, что они всегда были вместе. Их связывало что-то неочевидное, но глубинное, и если я видела одного, мой взгляд начинал скользить в поисках другого. Найти Симону было нетрудно: она была вездесущей, всегда помогала или давала указания, у нее словно бы имелась какая-то система, согласно которой она поровну распределяла свое внимание между официантами. А вот отследить его перемещения и их ритм было труднее.

Если они находились в ресторане вместе, они углом глаза следили друг за другом, а я – за ними, пытаюсь понять, что же я вижу. А ведь они были не единственными интересными людьми в ресторане. Но если остальные все мы были континентом, то они островом – далеким, недостижимым.

– Пошел!

Глаза у меня распахнулись, но я сегодня бариста, и кухня далеко-далеко. Говард смотрел на меня от терминала. Он ждал, когда я приготовлю ему эспрессо-макиато, но я задумалась. Первые два эспрессо пришлось вылить.

– Я даже во сне слышу, как Шеф кричит «Пошел!» – сказала я, взбивая теплое молоко. Оно было глянцевым, как свежая краска. – Наверное, подсознательно себя наказываю.

– Танатос – тяга к смерти, – отозвался Говард. – Перекинув через локоть салфетку, он инспектировал вина за стойкой сервисного бара, где готовили напитки на столы. – Мы фантазируем о травматичных событиях, чтобы восстановить равновесие. – Взяв макиатто, он понюхал его, прежде чем отпить. – Очаровательно. – Посмотрел внимательно на меня. Остальные администраторы тоже носили костюмы, но почему-то все знали, что главный в ресторане Говард – словно его костюмы были из сукна получше. – Это навязчивое состояние, но на

самом деле мы черпаем удовольствие из мучительных повторов. – Он сделал еще глоток.

– Приятного мало.

– Так мы утешаем себя. Так мы подпитываем иллюзию, будто контролируем свою жизнь. Например, ты повторяешь «Пошел!» в надежде, что на следующий раз исход будет иным. И раз за разом оказываешься в неловком положении, верно? – Он явно ждал моей реакции, но я прятала глаза. – Ты надеешься совладать с неприятными эмоциями. Боль – известная для нас величина. Наш барометр реальности. Мы никогда не доверяем удовольствию.

Всякий раз, когда Говард на меня смотрел, я чувствовала себя голой. Из сервис-принтера выполз тикет на кофе, и я ухватилась за него как за предлог отвернуться.

– Тебе часто снится работа? – спросил он. Ощущение было такое, словно он произнес вопрос мне в шею.

– Нет.

Я постучала по доске портафильтром, выбивая гушу, и всем телом почувствовала, как Говард уходит.

Но я же солгала. Сны приходили как приливы – всепоглощающие, хаотичные. События смены снова и снова проигрывались у меня в голове, но ни у кого не было лиц. Зато я слышала голоса, они накладывались друг да друга, сливались в какофонию. Фразы всплывали и, не закончившись, исчезали... Я сзади... Пошел... Справа от тебя... Слева... Беру... Свечи... Да, пожалуйста... Сейчас... Зубочистки... Пошел... Ручники... Сейчас... Извините... Беру...

В моих снах эти обрывки превращались в неведомый код: я слепа, а они – единственное, что позволяло мне отыскать путь в темноте. Слоги вибрировали и распадались. Проснувшись, я ловила себя на том, что говорю, я не могла вспомнить, что именно говорила, оставалось лишь ощущение, что что-то заставляет меня повторять это снова и снова.

Терруар. Я посмотрела это слово в винном атласе в офисе менеджера. Оно не имело перевода как такового. Приводились лишь рассуждения, и винные критики ходили вокруг да около, прибегая к иносказаниям. Их идеи казались малость притянутыми за уши. Что у еды есть характер, определяемый почвой, климатом, временем года. Что этот характер можно ощутить на вкус. И все-таки... Сама мысль была достаточно эзотеричной, чтобы притягивать и искушать.

«Не обращай на него внимания». Так я и делала. Когда Джейк опаздывал на «семейный обед» или садился рядом с Симоной, когда он останавливал свой байк у витринного окна, когда он бесцеремонно требовал тряпок, я отводила взгляд.

Но до меня начали доходить обрывки сплетен, сплошь неподтвержденных и невероятных. Джейк был музыкантом, поэтом, плотником. Он какое-то время жил в Берлине, он какое-то время жил в Силверлейке, он живет в Чайна-тауне. Он пишет докторскую диссертацию по экзистенциальной философии Кьеркегора. В его квартире опиумный притон. Он биксексуал, он спит со всеми подряд, он ни с кем не спит. Он раньше сидел на героине, он вечно трезв, он вечно чуток пьян.

Они с Симоной не были парой, хотя их магнетическое, бессознательное отслеживание друг друга как будто свидетельствовало об обратном. Я знала, что они давние друзья и что работу тут он получил благодаря ей. Иногда по вечерам под конец смены появлялась ангельская блондинка, которую Саша прозвал Несса-детка, и садилась у стойки перед Джейком.

Джейк знал, что в его профессиональные обязанности входит быть на виду и давать на себя смотреть. Он был из барменов-молчунов. В его красоте была какая-то покорность, почти женская, в нем была неподвижность, которую хотелось перенести на холст. Когда он работал за стойкой, он подчинялся. Женщины всех возрастов оставляли ему вместе с чаевыми визитки и номера телефонов. Мужчины дарили ему подарки без причины – такая это была красота.

Когда он закатывал рукава рубашки, становились видны краешки татуировок, говорившие о другом, непубличном теле. Как раз от вида его локтя, лежавшего на пивном кране, во мне все перевернулось. Пиво играло. Кеги, вероятно, растрясли, или пиво было недостаточно холодным, но так или иначе из крана шла сплошная пена. Разговаривая с гостем, Джейк давал ей стечь. Слив под

стойкой забился пеной. Пена побежала к его ногам, собираясь у кроссовок белым озерцом. Рукава у него были закатаны, под весом шейкера на предплечье проступили жилы. Я вспомнила, как меня ударило током, когда его коснулась. Я вообразила, как лижу его руку, ощущая разряд тока на языке. Его неуместно закатанные рукава, каскад пены, его манера – слишком небрежная, чересчур снисходительная...

– Сколько пива псу под хвост, – произнесла я, удивившись собственному голосу, заглушившему мой обет молчания.

Он на меня посмотрел. Возможно, той ночью шел дождь, удушливый тропический ливень. Возможно, кто-то чиркнул спичкой и поднес ее к моей щеке. Возможно, кто-то взял мясницкий нож и рассек мою жизнь на до и после. Он на меня посмотрел. А потом рассмеялся. С того мгновения он стал для меня невыносим.

Ты откроешь для себя пятый вкус.

Умами: насыщенный мясной вкус, морской еж, анчоусы, пармезан, вяленое мясо с корочкой плесени. Природный глутамат. Загадок и тайн уже не осталось. Мы научились производить глутамат натрия, чтобы этот вкус симитировать. Это вкус спелости, которая вот-вот забродит. Сначала, он служит предупреждением. Но когда научишься его распознавать, когда узнаешь его имя, то этот вкус на грани гниения остается единственным, за которым стоит гнаться, единственным канатом, по которому стоит идти.

IV

Сардины сегодня отпад.

Зуб даю, Шеф правда назвал его пидором.

Администрация с ума сошла.

Ты в саамском баре уже был?

Нет, лучшая китайская в мусорке.

Я в постановке в среду участвую.

У Скотта пятки горят.

Я одержима Чеховым.

Нужно бы снова расчехлить фотоаппарат.

Я довольно известен в мире экспериментального танца.

За Сорок Третьим критик. Что, сам по себе?

Если хотя бы еще одна дрянь оборвет меня, чтобы попросить шардоне...

Если хотя бы еще кто-то попросит соус к стейку...

Какого черта?

Опять Карсон пришел. Без жены.

Уже второй раз на неделе.

Иногда мне кажется...

Сегодня чаевые в общак.

Не завидуй.

Строго говоря, я первым послал СМС. Но он ответил.

Ты не понимаешь.

У меня третий день. Я на седьмом небе, все время как в улете.

Дольешь воды Двадцать Четвертому?

Закинешь хлеб на Сорок Пятый?

Шевелись.

Отвали.

Сам отвали.

У нас тут сегодня олимпиада по грубости.

Просто они французы.

А потом я сдала экзамены в юридический, и до меня вдруг дошло, погодите-ка, я же не хочу быть юристом.

Я все еще иногда пишу маслом.

Мне просто надо немного покоя. И времени. И денег.

Так тяжело в Нью-Йорке.

За Шестьдесят Первым аллергия.

Какая уж тут романтика.

Я тетку бы трахнул.

Она что, пьяная пришла?

Это всего лишь лимон, кленовый сироп и кайенский перец.

Это всего лишь мартини в исполнении Ника, никогда не пей больше одного.

Мне просто нужен агент.

Как биться головой о стену.

Мне нужны суповые ложки на Двадцать Седьмой.

Шеф хочет тебя видеть. Сейчас!

Я сейчас суп отношу.

Что я такого сделал?

Черт... вторая перемена блюд.

– Пошел!

Тикеты выползали из сервис-принтера справа от Шефа, потом взлетали восклицательными знаками и опадали снежинками, а Шеф орал:

– Грюйер пошел. Тартар пошел. Придержаться кальмаров. Придержаться два копченых.

По кодовым командам брались у своих станций за работу повара. Шеф цеплял тикеты на «дорожку», переминаясь с ноги на ногу, как ребенок, которому надо в туалет. Он был родом из Нью-Джерси, но прошел обучение во Франции. Он орал шутки поварам, вспоминал «настоящие» кухни, где любой получал медной сковородкой по голове от шефа, если не сумел достаточно мелко нарубить петрушку. Голос у Шефа был чересчур зычный, и он не умел его контролировать. Официанты и менеджеры вечно жаловались, что его слышно из зала. Когда он раздражался очередной тирадой, все, даже его заместитель сушеф Скотт, старались не поднимать головы. Этот невысокий чувак выхаживал взад-вперед по кухне с красной физией, готовый взорваться в любую секунду, эдакая граната с вырванной чекой.

Движения поваров сливались в единое пятно, но сами они не сходили с места. Все ингредиенты находились на расстоянии вытянутой руки от рабочей станции каждого. По их лицам градом катился пот. За спиной у них бушевал открытый

огонь или сочились жаром конфорки, перед ними – череда ламп и столов для подогрева. Они протирали ободок каждой тарелки прежде, чем передать ее Шефу, который безжалостно ее осматривал, прямо-таки жаждал найти пятнышки случайного соуса или оливкового масла.

– Пошел!

– Беру.

Сегодня я – раннер, сейчас мой черед. Я замотала ладони ручниками. Тарелки раскалились, как утюги, казалось, вот-вот засветятся.

– Слышал, ты еще не разбираешься в устрицах, – произнес у меня за спиной Уилл, и я вздрогнула.

Уилл – тот, кого я прозвала Сержантом, тот, под чье начало меня отдали в мой первый день. Хотя теперь я сама носила «полоски», он как будто все еще думал, что я ему подчиняюсь.

– Боже ты мой! – выдохнула я. – Тут все превращается в урок. Это же просто обед.

– Тебе еще рано так говорить.

– Пошел!

– Беру, – ответила я.

– Пошел!

– Громче. – Уилл подтолкнул меня вперед.

– Беру, – произнесла я с нажимом, руки вытянуты, наготове.

Все произошло одновременно. Половинка жареной утки стояла в окне выдачи вот уже пять минут в ожидании ризотто, тарелка тем временем раскалялась.

Сначала, как бывает со всеми ожогами, я вообще ничего не почувствовала. Я среагировала в предвкушении. Когда тарелка разлетелась на осколки, а утка неловко плюхнулась на коврик, я вскрикнула, прижав руку к груди, и согнулась пополам.

Когда я подняла глаза, Шеф смотрел на меня. До того он вообще меня не замечал.

– Ты что, смеешься? – спросил он. Тихонько так.

Все повара у станций, все повара горячего цеха, ребята из холодного и девчонки из кондитерского уставились на меня.

– Я обожглась.

В доказательство я предъявила ладонь, по которой уже расплывалось красное пятно.

– Ты что, смеешься, мать твою? – Громче.

Среди поваров занялся рокот, потом снова воцарилась тишина. Даже тикеты перестали печататься.

– Ты откуда такая взялась? Каких теперь придурочных официанточек из «Фрайдиз» сюда тащат? Ты думаешь, это ожог? Хочешь, чтобы я позвонил мамочке?

– Тарелки слишком горячие, – возразила я. И уже не могла забрать слова назад.

Я смотрела ему под ноги, смотрела на месиво, в которое превратилось блюдо. Я нагнулась подобрать утку с восхитительной корочкой. Я думала, он меня ударит. Я поморщилась, но протянула ее ему, держа за ножку.

– Ты что, умственно отсталая? Убирайся с моей кухни! Чтобы ноги твоей тут больше не было! Это храм. – Он обеими руками хлопнул по стойке из нержавеющей стали перед собой. – Добланный храм!

Его взгляд вернулся к доске, и он сказал – опять-таки тихо:

– Утка пошла, ризотто пошел. Эй ты! Ты какого черта на Тревиса пялишься, смотри на свой стейк, пока в угли его не сжег!

Я положила утку на стойку рядом с хлебом. Скрежет печатающихся тикетов, грохот швыряемых тарелок и ударяющихся о конфорки сотейников – все эти звуки пульсировали у меня в ладони. В раздевалке я подставила руку под тепловатую воду. Отметина уже начала исчезать. Я разревелась и все плакала, пока снимала униформу и переодевалась. Я села на стул и постаралась успокоиться прежде, чем снова спущусь вниз. На пороге раздевалки возник Уилл.

– Знаю! – заорала я. – Знаю, я облажалась!

– Покажи руку.

Он присел на корточки возле меня. Я раскрыла ладонь, и он вложил в нее завернутые в ручник кубики льда. Я снова заплакала.

– У тебя все будет путем, куколка. – Он потрепал меня по плечу. – Надевай «полоски». Поработаешь в зале.

Я кивнула. Переоделась, подвела глаза и спустилась вниз.

«Антресолью» у нас называли своего рода балкон над задней частью обеденного зала, где располагались семь столиков на двоих. Вела туда крутая, узкая и весьма ненадежная лестница.

«На иск нарываемся», – услышала как-то я.

Поднимаясь или спускаясь, я аккуратно ставила ногу на каждую ступеньку, и все равно супы выплескивались на край тарелки и расползались соусы.

Хизер – Улыбка Дебютантки, которой крепко влетело за то, что несколько недель кряду за работой жевала жвачку. Она была из Джорджии, с изящным южным

акцентом. Мне говорили, что она получает самые большие чаевые, и прочие официанты кивали на акцент. Я же подумала, что, возможно, дело в жвачке.

– Ах ты боже мой! – чпокнула она на меня жвачкой в ответ на жалобу. – Когда спускаешься, начинай с левой ноги. Подавайся спиной назад.

Я кивнула.

– Слышала, что у тебя вышло с Шефом. Бывает.

Я снова кивнула.

– Знаешь, никто тут не родился, мы все когда-то были новенькими. Как я всегда говорю, это всего лишь обед.

Из раздела руководства, который я забыла прочесть: «По окончании смены сотруднику полагается один напиток за счет заведения. Также работнику полагается одна чашка кофе бесплатно за восьмичасовую смену».

В переводе на реальность количества возрастали, требования разрастались до небес. Но поначалу я этого не знала. Нас мучают, потом дают расслабиться.

– Садись, новенькая.

Я оглянулась по сторонам. Ник явно обращался ко мне. Я только что пробила табель по окончании смены и переоделась, я разминала запястья и направлялась к выходу.

Время было еще не позднее, повара заворачивали контейнеры в пленку, официанты прогоняли квитанции по кредитным картам и дожидались у терминалов подтверждения. Носильщики стаскивали мусорные мешки в кучу у выхода из кухни. Я видела, как они выглядывают, подрагивая, точно спринтеры, в ожидании сигнала, когда можно будет выставить мешки на тротуар и пойти домой.

– Куда?

– За барную стойку.

За баром сегодня – Ник, он же – Очки-Кларка-Кента. Он протер передо мной стойку. Ник был первым барменом, кого наняло руководством, и поговаривали, что уйдет он последним. Очки у него на носу часто сидели криво, причем не под тем углом, чем скошенный набор галстук-бабочка. Со своей женой он познакомился десять лет назад у стойки этого самого бара, и она до сих пор приходила по пятницам и садилась на то самое место. Я слышала, что у них трое детей, но это не укладывалась у меня в голове: он сам казался наполовину ребенком. Он был начисто лишен амбиций или претенциозности, а его лонг-айлендский акцент десятилетиями притягивал людей к бару. Теперь была моя очередь.

– Хочешь, чтобы я села как нормальный человек?

– Как нормальный завсегдатай. Что будешь пить?

– М-м... – Мне хотелось спросить, сколько стоит пиво, я ведь понятия не имела.

– Твой напиток. Небольшая благодарность от владельца после смены.

Он вытряс водянистые остатки из коктейльного шейкера себе в бокал. Они оказались янтарного цвета. Он задумчиво отхлебнул.

– Или большая благодарность. Чего бы тебе хотелось?

– Белое вино подойдет.

Я взобралась на табурет. Несколько часов ранее, среди запарки, он спрашивал, есть ли у меня вообще голова на плечах, есть ли хоть толика здравого смысла. Я весь вечер над этим думала. Я понятия не имела, что ответить, особенно теперь, когда уже сняла «полоски».

– Вот как? Ничего конкретного?

– Я открыта для предложений.

– Как раз этого и хочется слышать от моих бэков.

Я покраснела.

– «Бокслер»? – спросил он и налил мне на глоток продегустировать.

Я поднесла бокал к носу и кивнула. Я слишком нервничала, чтобы по-настоящему ощутить запах. Я могла только смотреть, как он мне наливает: он не остановился, когда вино поднялось выше линии, предназначенной для гостей. Бокал теперь казался кубком.

– Сегодня вечером у тебя уже лучше получалось, – произнес голос у меня за спиной.

На табурет рядом со мной приземлился Уилл.

– Спасибо.

Я пригубила вино, лишь бы не сболтнуть что-нибудь нелепое и не испортить комплимент. «Алберт Бокслер Рислинг». Не из Германии, а из Эльзаса, дорогущее вино, по 26 долларов за бокал. И я его пью. Ник мне его налил! В знак благодарности. Я покачала вино во рту, как учила меня Симона, поджала губы, завела к небу язык, словно собиралась свиснуть. Я думала, вино будет сладковатое. Я думала, уловлю нотки меда или что-то вроде персиков. Но рислинг был таким сухим, что у меня возникло ощущение, будто меня укололи. Рот у меня наполнился слюной, и я отпила еще.

– Он не сладкий, – сказала я вслух Нику и Уиллу. Они рассмеялись. А я добавила: – Вкусно.

Час назад тут были невероятно привилегированные места, их занимали те, кто выкладывает по тридцать долларов за унцию кальвадоса.

С тех пор как я обожглась, отношение Уилла ко мне изменилось. Он стал бережнее, возможно, даже пытался защищать. Мне подумалось, он хочет стать

моим другом. Впрочем, не самый плохой кандидат на роль первого друга. На нем была рубашка хаки, наводившая на мысль о сафари. У него был длинный острый нос, как наконечник стрелы, и воловьи карие глаза. Говорил он быстро, почти коверкал слова. В недели обучения я думала, это потому, что он спешит. А теперь поняла, что он не хочет показывать зубы. Зубы у него были крупные и желтоватые, а верхний левый спереди – с трещиной.

– Ты не смотрел, Ник? Он был как дикий зверь. Ну вроде как, проехали орать или драться, я головой тебе грудь прошибу. Все французы безбашенные. Готов поспорить, его никогда больше на поле не выпустят. – Уилл достал сигарету. – У нас все путем?

– Да, сэр. – Ник подтолкнул к нему тарелку с хлебом и маслом.

Когда Уилл закурил, я запаниковала: я едва-едва помнила те времена, когда можно было курить в ресторане. Он предложил и мне. Я потрясла головой и уставилась на полки на задней стенке бара, сделав вид, будто поглощена тем, что запоминаю коньячные бутылки. А курящая парочка рядом со мной обменивалась беззастенчивыми оскорблениями по поводу двух бейсбольных команд из одного городка.

– Ты с Джонни сегодня вечером поздоровался?

Ник протирает бокалы из нескончаемого запаса на стойке. Бокалы выстроились, как солдаты на марше, которые продвигаются вперед, а в арьергарде колонны возникают все новые.

– Он тут был? Я его пропустил.

– Сидел рядом с Сидом и Лайзой.

– Ох уж эта парочка! Я старался держаться от них подальше. Помнишь их ссору из-за того, остров Венеция или нет?

– Я думал, тем вечером он ее ударит.

– Будь я на такой женат, я бы кое-что похуже сделал.

Я старалась сделать каменное лицо. Вероятно, они говорили про своих друзей.

– Что пьешь, Билли Боб?

– Можно мне чуточку ликера «Ферне», пока я решаю?

– Это... последние, – выдохнула Ариэль, с грохотом ставя железную корзинку с бокалами на край стойки. Бокалы зазвенели колокольцами, взметнулись русые кудри.

– Ты уже волосы распустила? – спросил Ник, тон у него был резким, но в глазах плясали игривые смешинки.

– Да ладно тебе, Ник, я устала как собака. Разве я не похожа на усталую собаку?

Она запустила руки в длинные волосы, поскребла кожу на голове, точно пыталась снять парик. Откинув волосы на сторону, она повисла на стойке, ноги у нее оторвались от земли.

– Ну давай же, Ник, щелк, щелк. – Она изобразила пальцами ножницы.

С распущенными волосами Ариэль смотрелась настоящей оторвой. Из экстравагантной девицы она превратилась в адское существо, волосы спускались ей ниже груди, свились штопором и спутались от того, что день и добрую часть вечера были сколоты на затылке. Завитки челки прилипли ко лбу, линии подводки для глаз, которые еще пару часов назад вызывающе поднимались от краешек век, размазались.

Всю смену, даже в запаре Ариэль трудилась с энергией птицы – из тех, какая в любой момент способна разразиться неуместной песней, но Ариэль обходилась чириканьем, посвистыванием и полупропетыми фразами. Она легко впадала в панику, и тогда ее движения становились лихорадочными, но так же легко оправлялась и снова посвистывала.

– О'кей, ты в доле, Ари. Но мне правда нужны две бутылки «Риттенхаус» и одна «Ферне».

– Ладненько, сбегая тебе за виски, но наш кореш пусть сам себе «Ферне» добывает. – Она кивнула на рюмку Уилла с черным ликером, от которого воняло перестоявшим чаем и жвачкой. – Раз ты его пьешь, тебе его и запасать.

– Отвали, Ари. – Уилл выпустил в ее сторону колечко дыма.

– Сам отвали, милый.

Ари метнулась прочь.

Уилл опрокинул свой ликер.

– Что это? – спросила я.

– Лекарство. – Он рыгнул. – Это пьют под конец еды. Невероятные... целительные свойства... для пищеварительного тракта.

Потянувшись за стойку, он выудил бутылку пива. Перестав протирать, Никки смотрел, как он наливает себе в стакан для воды.

– Я только что стойку надраил, Уилл, и если хоть чертову каплю прольешь...

Пиво ходило ходуном в руке Уилла, шапка поднялась над бокалом на дюйм. Все затаили дыхание. Шапка все поднималась, но пиво не проливалось.

– Я профессионал, – пояснил Уилл.

– Горе-то какое! – внесла свою лепту Ариэль.

Поставив на стойку две бутылки ржаного, она выдвинула табурет по другую сторону от Уилла. На ней была черная комбинация, хотя сама она, наверное, считала ее платьем. Бюстгальтер у нее был неоновно-желтый, как дорожный знак, гласящий «Осторожно, опасный участок».

– Гм... что у нас есть открытого?

Приподнявшись, она потянулась к бутылкам на рабочем столе под стойкой.

– Не могли бы вы, скоты, убрать из моего бара? Я тут чистоту пытаюсь навести.

– «Жигондас»[8 - Вино апеллясьон Прованс – Лазурный Берег.] еще не выдохся? Когда мы его открыли?

– Позавчера.

– Почти сдох.

– Но стоит попробовать.

Ник поставил на стойку бокал, черную бутылку с биркой и вернулся к своим бокалам.

– Сегодня самообслуживание? Новенькой-то ты налил.

– Не зарывайся, Ари. Я не шучу, ты-то едва-едва нужное с кухни принесла. Новенькая пока собственной головы от задницы не отличит, а работать-то может лучше тебя. Кстати, из-за тебя я на двадцать минут опаздываю.

– Похоже, ты выбрал неудачную ночь быть барменом, старик. – Ариэль вытрясла последние капли из бутылки себе в бокал, понюхала вино и щелчком открыла сотовый телефон.

Если бы Ник такое мне сказал, я сгорела бы со стыда. А тут ничего, даже неприятного осадка не осталось.

Никки крикнул на кухню: «Все чисто», и из распашных дверей выскочили носильщики. Они побежали с мешками вдоль стойки – бесконечный караван черных мешков неся на тротуар. Они подперли дверь, чтобы та не закрылась, и в помещение ворвался жаркий удушливый воздух, точно липкие пальцы прошлись по моему лицу. «Горе-то какое!» – как сказала бы Ари. Я пила мой рислинг. Каждому свое лекарство.

– Взаправду жарко в последнее время, – произнесла я.

Никто не откликнулся.

– Лето, – сказала я.

С улицы раздалось монотонное гудение, потом шорох. С секунду мне казалось, что это клаустрофобичные звуки цикад моего детства. Или ветер гнет ветки. Или коровы мычат в полях. Но это были машины. Я пока к такому не привыкла: вместо звуков природы сип перегретых моторов.

Я немного сдвинулась к Уиллу, мне хотелось казаться открытой на случай, если кто-то со мной заговорит. Уилл и Ариэль болтали каждый по своему телефону, Ник чертыхался себе под нос за стойкой. Я подумала, не достать ли мне самой телефон. Он был новый. Старый я оставила в ящике комода дома. Интересно, что отец с ним сделал? А с ящиками книг?.. Впрочем, я была почти уверена, что он не открывал дверь в мою комнату. Когда я купила новый телефон, код региона показался мне символом – 917. Я старательно скопировала в него все контакты. Но у меня не было пропущенных звонков или сообщений. Никто пока не просил меня подменить его на смене.

– У меня нет кондиционера, – сказала я.

– Правда? – Сложив телефон, Уилл повернулся ко мне. – Seriously?

– Они дорогие.

– Горе-то какое! – вмешалась Ари. Поднырнув под руку Уилла, она рассматривала меня с любопытством. – И что же ты подделываешь?

– Ну, у меня большие окна и вентилятор. Когда совсем припекает, как на прошлой неделе, например, то принимаю холодный душ, чтобы...

– Нет, – сказала она, а ее взгляд говорил: «Что за чертова идиотка!» – Что ты делаешь? В Нью-Йорке что делаешь? Ты пытаешься кем-то стать?

– Да. Я изо всех сил пытаюсь стать полноценным бэком.

Она рассмеялась. Я рассмешила Ариэль!

– Ну да, а после предел тебе – только небо.

– А ты что делаешь?

– Да все. Я пою. Я пишу музыку. У меня своя группа. А Уилл пытается снять кино. Пластининовую версию «A bout de souffle»[9 - «На последнем дыхании», 1960. Фильм Жан-Люка Годара.] в духе «Уоллеса и Громмита».

– Да ладно тебе, идея-то была недурна.

– Как же, как же, достойно восхищения! Неделю лепить что-то из глины, чтобы добиться нужной степени скуки...

– На таких, как ты, Ари, я даже не обижаюсь, ты ничего не смыслишь в искусстве. Я виню, во-первых, твой пол, во-вторых, систему...

– Ну же, Уилл, признавайся. Ты просто мастурбируешь, да? В той темной комнатенке со своей глиняной Джин Сиберг?

Уилл вздохнул.

– Должен признаться, трудно этого не делать. – Он повернулся ко мне. – На самом деле я работаю над чем-то другим. Я пишу художествен...

– Комикс? Роман воспитания? Исследование и восстановление в правах патриархального нарратива?

– Ты когда-нибудь заткнешься, Ари?

Улыбнувшись, она положила руку ему на плечо. Она взяла свой бокал и уже собиралась отпить, потом вдруг ойкнула и повернулась к нам.

– Ваше здоровье, – серьезно сказала она.

– Твое здоровье.

– Нет, глаза в глаза, новенькая.

– Посмотри ей в глаза, – подсказал Уилл, – не то она нашьлет проклятие на твою семью.

Я посмотрела в ее черные от размазанной туши глаза и произнесла «Ваше здоровье» как заклинание. Наши три бокала соприкоснулись, и я сделала солидный глоток. Позвонки у меня в спине расслабились и размякли, как масло, плавящееся при комнатной температуре.

Потом три вещи случились как будто разом.

Во-первых, музыка изменилась. В колонках зазвучал Лу Рид – бормочущий и мямлящий, любимый дядюшка-поэт.

– А знаете, я видел его однажды в парк-отеле «Гранмерси»? Кстати, вы видели, что там, мать его, учинили? Это, друзья мои, скверный знак, помяните мое слово. Так вот, сижу я там, и вдруг вижу, Лу, мать его, Рид, и думаю, спасибо тебе, что научил меня быть человеком и все такое, ну сами понимаете...

Я старалась и дальше слушать байку. Ари посмотрела на меня, и я кивнула. Но казалась такой интимной – как кран, капающий в ночи.

Во-вторых, внезапно оказалось, что все табуреты заняты. Их реквизировали повара, убравшие зал официанты, посудомойщики – все теперь без униформ. Без «полосок» все выглядели чуток расхристанными, а может, как выпущенные на свободу заключенные. При виде покрытых шрамами рук поваров на фоне мятых рубашек поло или старых футболок хеви-метал я невольно спросила себя, что подумала бы о них, столкнусь я с кем-нибудь в подземке, не зная, что у них есть тайная и полная значимости жизнь в белых кителях?

Вдоль череды табуретов величественно плыла Симона, волосы у нее были распущены. Я попробовала поймать ее взгляд, но она ушла в дальний конец стойки, где сидели Хизер и ее парень по имени Паркер, тот самый, который

посвящал меня в тайны кофемашины. И сама Симона уже не походила на статую. На ней были простые кожаные сандалии, и, закинув ногу на ногу, она ею покачивала.

И, наконец, с грохотом вылетел из кухни Шеф в бейсболке и с рюкзаком на плече. Вся его ярость куда-то улетучилась, и остался просто мужичок, выглядевший, как папаша, спешащий к минивэну. Все натужно выдавили: «Доброй ночи, Шеф». Он махнул, не глядя, и выскочил за порог.

Занавес опустился, когда Никки снова возник за стойкой в белой майке и выкрутил поярче свет. После закрытия ресторан, в котором я работала, превратился в местечковый клуб. Бармены уже не играли роли барменов, а просто щедро смешивали напитки. Повара не оглядывались нервно через плечо на Шефа, не натыкались ошалело на горячие ручки сковородок. Они крутили самокрутки, пересмеивались, хлопали по спине или мутузили друг друга. Официанты тянули спины и разминали плечи, похвалялись защемлениями в шеях и поясницах, помешивали коктейли пальцем и стенали, любовным хором жалуясь на Говарда и Зою, или с пассивным презрением перемывали кости гостям. Я начала угадывать, когда они говорят о завсегдатаях, потому что им всем хотелось переплунуть друг друга, доказывая, что именно они любимчики.

Слишком ослепленная, чтобы участвовать в разговоре, я могла только наблюдать. Больше всего меня поразило, сколь иными предстали передо мной как будто знакомые уже люди. Веселая перебранка Уилла и Ариэль. По мере того как падал уровень жидкости в бокалах, голоса становились все громче. Я все поглядывала на открытую дверь, думая, что сейчас войдет кто-нибудь с улицы и потребует выпить или что владелец решит пройтись по 16-й по пути домой с какого-нибудь мероприятия, застучает нас и вызовет полицию. Я – новенькая, я ни в чем не виновата, скажу я с поднятыми руками. Но никто больше как будто не беспокоился. И потому я задумалась, а кто же на самом деле владеет рестораном?

– В «Черного медведя»? – крикнул через полбара Скотт Ариэль.

– Нет, в «Парковку». Саша только что прислал СМС, он застолбил угол.

– No mas[10 - Только (исп.).] «Парковка», – отозвался Скотт.

Джаред и Джефф, два его повара с конвейера, расхохотались.

– Она что, на новенькую положила... Как ее там... Божественную?

– За Божественную! – закричали повара и подняли бокалы.

– Да она дура набитая! – выкрикнула Ариэль и повернулась ко мне: – Вот черт. Я думала, она лесби.

– Тормозишь, Ари, – сказал Уилл.

– Посмотрим, как это исправить. – Накрыв своей ладонью мою, она заглянула мне в глаза: – Девчонки всегда нормальными начинают. В том-то и забава.

Я рассмеялась, цепenea от ужаса.

– Который час? – спросила я.

Голова у меня чуть кружилась от алкоголя, меня захлестнуло волной усталости. Казалось, это самый подходящий момент потихоньку откланяться. Я не знала, кто будет все это убирать, чтобы к утру ресторан снова стал безлико стерильным. Посмотрев вдоль стойки, я заметила что Симона пишет СМС, и подумала: «Слишком поздно для сообщений». Вот тогда до меня впервые дошло, что она намного старше меня. А следом на меня обрушилась мысль о нем, ударила в небо. В кого превращается Джейк, когда свет делают ярче? Выпивка под конец смены – пограничная полоса между работой и квартирой, пространство, в которое я могла бы часами проецировать свои фантазии, пространство неизбежности, в котором я могла бы со временем нагнать его.

– Еще и двух нет, – сказала Ариэль. Словно в два что-то случилось.

– Вы каждую ночь так делаете?

– Что делаем?

Я кивнула на свой бокал «Бокслера», который доливали всякий раз, когда я отводила глаза, на батарею полупустых бутылок на столике под стойкой, на

Ника, поедавшего коктейльные оливки, пока они со Скоттом советовали друг другу пойти трахнуть свою мамочку, на серьезную серенаду Лу, плывущую сквозь нас, как завеса дыма, на всех нас, взъерошенных, опустошенных и взмокших, с запотевшими бокалами в руках.

– Это? – Ариэль махнула сигаретой у меня перед носом и развела дым ладошкой, точно пустяк. – Да мы просто на посошок после смены пьем.

V

Когда я начинала, они мне сказали, мол, ты совсем зеленая. В счет идет только опыт, полученный в Нью-Йорке.

Ну так теперь у меня кое-какой опыт имелся. Иерархия заведения предстала передо мной, почти как карта городских улиц. На самом верху генеральный менеджер, он же старший администратор, под ним низовые менеджеры. Старшие официанты, отвечающие за смену, затем просто официанты и, наконец, бэки. Предполагалось, что каждый бэк мечтает стать официантом, но пространства для роста в ресторане было мало, и большинство довольствовались своим положением. Моим нынешним местом я была обязана Хизер: она уговорила перейти в официанты своего парня Паркера, который прождал шесть лет и не слишком рвался к следующей ступеньке. Это было единственной причиной моего существования.

У бэков было три типа смен: раннеры (они приносили блюда с кухни), «на подхвате в зале», то есть уборка (или на местном языке «зачистка») и пересервировка столов, и «стоять на напитках» – доливать воду, подносить напитки помимо вина, а еще стоять на сервисе, то есть за сервисным баром, что подразумевало работу бариста. Я заметила, что даже при ротации смен мои сослуживцы имели склонность к той или иной работе и старались подстроить под нее свой график.

Уилл был превосходным раннером – с армейской ментальностью сознания «Да-Шеф-Нет-Шеф», с его въедливой «не-поднимай-головы» сосредоточенностью. Благодаря этому он, даже принадлежа к бэкам, имел друзей и определенные привилегии на кухне, что проявлялось на уйму раздражающих ладов: например, он принимал участие в распитии «поварского пива» или жаловался на официантов в зале, точно он не один из нас.

Ариэль любила свободу, какую давали смены «на подхвате в зале», когда ты не закреплен за конкретной секцией или конкретным официантом. Словно бы вальсируя по залу, она прихватывала пару-тройку тарелок там, доливала воду тут, протирала несколько ножей или поправляла приборы на только что пересервированном столе – сначала раздраженно поджав губы, а после безмятежно, когда водворялся порядок. И хотя это относилось не ко всем бэкам, Ариэль обычно доверяли разговаривать с гостями. А вот если кто-то другой из бэков хотя бы здоровался с сидящими за столом, его ждал выговор.

Саша был слишком хорош в своем деле, чтобы стоять на месте. Он легко начинал скучать. Если он получал смену между кухней и станциями официантов, то успевал доставлять тарелки, подносить к бару лед, а на обратном пути забрать посуду с двух столов – и все в промежуток времени, который требовался мне, чтобы найти место Три у Тридцать Первого стола. Отчасти это работало против него: я видела, что Ариэль, Уилл и даже некоторые официанты начинали халавить, если работали в его смену.

Ну и четвертая – я. По нескольким причинам меня тянуло к бару, пусть даже сервисному. Во-первых, потому что там можно было выделиться. Во-вторых, потому что у меня были навыки «смен на напитках», приобретенные за годы вычерчивания сердечек в посредственных латте. В-третьих, потому что это был шанс держаться подальше от Шефа в кухне. А четвертой (или первой, или единственной) причиной являлось то, что Джейк был барменом.

Я помогала официантам разносить напитки на столы. Я помогала барменам поддерживать ассортимент бара. Я подносила ящики вина и пива, ведерки льда, таскала проволочные корзинки с чистыми бокалами, прикатывала тележки для грязной посуды, протирала стаканы. Тут, если работаешь медленно, медленнее выдаются напитки, а если напитки выдаются медленно, возникает задержка с обслуживанием столов, обедает меньше гостей, и мы зарабатываем меньше денег. А потом – часа через полтора – после того как за стол садились новые гости, из принтера выползал первый тикет на эспresso. И следующие полчаса я была ими завалена.

В конце смены бармен составлял так называемый «заборный список», то есть список того, что нужно восполнить по бару к следующему дню, и я приносила все по списку. Кое-кто страшился «стоять на напитках», потому что большую часть смены это была сущая запара: в начале обваливается гора заказов на

выпивку, а под закрытие – на кофе. Да, шея, руки, ноги у меня болели, но мне нравилось.

Одно было плохо в моем новом рабочем месте. Тяжелый ручной труд, приготовление кофе – это еще ничего, это только 49 %, а 51 % «на напитках» – умение разбираться в вине.

– Аппетит – не симптом, – сказала Симона, когда я пожаловалась на голод. – Его не вылечишь. Это состояние и, как большинство состояний, имеет сопутствующие моральные последствия.

Первая устрица – холодный овальный голыш, который надо загнать за вкусовые сосочки в заднюю часть горла. Никому не пришлось мне это объяснять – я была полной невеждой по части устриц, страх подсказал мне, что делать, когда влажный камешек очутился у меня во рту.

– Уэлфлит, – сказал кто-то.

– Нет, слишком маленькая.

– ОПЭ[11 - Остров принца Эдуарда – одна из провинций на востоке Канады].

– Да, кремовость есть.

– Но так отдает морем.

«Отдает морем». «ОПЭ». Опять какой-то шифр. Я взяла вторую устрицу, осмотрела со всех сторон. Раковина была резко очерченной, скульптурной, самой природой приваренный к содержимому контейнер – как кожа. Устрица подергивалась.

Во второй раз я подержала ее на языке. «Отдает морем» означает горьковато-соленый. Иными словами, созданный океаном или дышащий морской водой. Металлический, мускусный, отдающий водорослями. Мой рот – как рыбацкий причал. Джейк уже ел третью, а раковины бросал на лед. Глотай же!

– По-моему, все-таки Западное побережье. Слишком кремовая, – сказал кто-то.

– Но вкус чистый.

– Японские кумамото? Те, что под Вашингтоном разводят, да? – вставил Джейк.

– Он прав, – сказала Зоя, улыбаясь ему как идиотка.

Я это записала. Я услышала, как он спросил:

– Понравилась?

Я была уверена, что он говорит со мной, но сделала вид, будто сосредоточена на вкусовых ощущениях. Мне? Мне понравились устрицы? Я понятия не имела. Я сделала несколько больших глотков воды. Вкус на языке не исчез. В раздевалке я дважды почистила зубы, показала себе в зеркале язык, недоумевая, когда же уйдет послевкусие.

В дневную смену тем воскресеньем я была совершенно уверена, что миссис Кирби умерла, что она скончалась за Тринадцатым столом. Я не решалась приблизиться, но посматривала на Тринадцатый углом глаза, пока не подошел другой официант и не оживил ее. Она попросила еще хереса к супу. Шот для супа, полный бокал – для себя.

Ей было под девяносто, она родилась и все еще жила в Гарлеме. Каждое воскресенье она приезжала на автобусе на Юнион-сквер – чулки, высокие каблуки, шляпка-таблетка. У нее были шляпки цвета бургундского вина с шелковыми цветами и васильково-голубая, отделанная кружевом. В молодости она выступала в танцевальном коллективе «Роккетс» на сцене «Радио-сити-мюзик-холла».

– Вот почему у меня до сих пор такие ноги, – сказала она, задирая до бедра юбку. – Я обедала в «Ле павильон». Анри Суле, та еще сволочь был, гений, но как элегантно он умел отравить жизнь! Я туда ходила, все туда ходили. Даже Кеннеди там ужинали. Откуда тебе помнить, деточка? Но я-то помню. Тогда еду взаправду готовили! И какие сливки были, скажу я тебе! А масло! А зеленая

фасоль! Дорогуша, там даже жевать не надо было.

– Хотелось бы мне там побывать, – вставила я.

– Высокую кухню прикончили, она мертва. Теперь все альденте. Другого сейчас и не готовят. – Помедлив, она оглядела стол. – Мой суп подавали?

– М-м... Да.

Я собственноручно убрала тарелку десять минут назад.

– А вот и нет, я еще суп не ела. Мне нужен суп.

– Миссис Кирби, – прошептала я глупо, – вы уже съели суп.

Внезапно рядом со мной возникла Симона – с улыбкой, отмахнувшись от моей неумелости, превратив меня в пустое место. Я отступила, а миссис Кирби нацелилась на Симону.

– Передайте Шефу, я хочу получить суп сейчас же.

– Разумеется, миссис Кирби. Могу я принести вам что-то еще?

– У вас усталый вид. Думаю, вам не помешало бы немного старого доброго вина. Хорошего, выдержанного, например, хереса.

Симона рассмеялась, щеки у нее порозовели.

– Думаю, это как раз то, что мне нужно.

Намеками это есть в должностных инструкциях, но главным образом подразумевается: спать можно с кем угодно, кроме тех, кто выше тебя рангом. Нельзя спать с теми, кто на окладе. С любым, в чьей власти нанять тебя или уволить. Можно спать с кем угодно на своем уровне. С любыми почасовиками. Обо всем, чуть более романтичном, чем секс, следовало докладывать Говарду,

но на секс внимания не обращали.

Я спросила Хизер про ее отношения с Паркером. Она носила маленькое винтажное обручальное кольцо (своей бабушки), но они еще не назначили дату.

– Паркер? О, помню мой первый день на испытательном сроке! Я увидела его в баре и сказала себе: «Только поглядите, это ж ходячее недоразумение». Мы оба были помолвлены в тот момент. Он был помолвлен – я не шучу – с некой Дебби Шугардейкер из Джексона на Миссисипи, какая-то там юристка, пресная, как белый хлеб. Только не проговоришь ему, что я тебе сказала. Когда мы разговорились, я подумала: «Вот и понеслось. Моя настоящая жизнь за мной пришла, налетела, как поезд».

– Ух ты, – откликнулась я. «Моя жизнь...» «Мой поезд...»

– Это место – «хибара любви»[12 - Отсылка на пародийно-документальный фильм «Лачуга любви» (2010) Грегга Сэккона, в котором звезды фильмов для взрослых собираются, чтобы снять порнофильм как дань памяти легендарному продюсеру Мо Сальцману.]. Постарайся держать себя в руках.

В «Парк-баре», который наши называли «Парковкой», всегда царил полумрак, декор был сведен к минимуму. Но со стены над стойкой, почти из-под потолка на нас взидала огромная репродукция картины, казавшаяся знакомой. Я во всеуслышание заявила, мол, уже где-то ее видела, но, возможно, это была ложь. На картине – два боксера на ринге в разгар раунда, на полпути к травме. Сплошное действие: удары со всех сторон, атаки, контратаки, отступления. А лица неподвижны, два лица сплавлены в единую массу.

Уилл, наконец, позвал меня выпить с ними после смены – так сказать «на посошок, Часть Вторая». Пока Ник запирал ресторан, я держалась поближе к нему. Повсюду вокруг наши прощались, обсуждали, какие поезда еще ходят, какие уже нет, вызывали такси. Я вспомнила, как Ариэль пыталась взять меня на слабо – «Еще и двух нет», – и посмотрела на телефон: четверть третьего утра. Они направились в гараж через дорогу от ресторана. «Так у тебя есть машина?» – спросила я, а Уилл ответил, мол, нет, мы идем в «Парковку». Ариэль эхом что-то чирикнула. Мы спустились под землю. Шлепанье резиновых подошв по бетону, пятна машинного масла, пары бензина. Охранник помахал Уиллу. Мы

поднялись и очутились на 15-й улице под огромной освещенной вывеской, которая гласила «ПАРК-БАР». И действительно там был бар.

Никто не спросил, употребляю ли я кокс. Ариэль спросила, хочу ли я «вкусняшку», и я ответила, конечно. «Употребляла» казалось равнозначным «употребляю». Я уловила подтекст: все чуток балуются коксом, и ни у кого нет проблем. Если бы мне и захотелось над этим задуматься, то шум в «Парковке» скоро положил бы конец любым мыслям. Тут былолюдно, и Уилл с Ариэль знали всех и каждого.

Скотт и повара заняли столик в углу, я узнала в лицо пару ребят из овощного цеха. Мы двинулись к столу, и я положила на пол сумочку – в точности как Ариэль. Я увидела людей, которых отпустили пораньше, и девчонок из бухгалтерии. Ариэль указала на другие столы:

– Вон там «Блю Уотерс», «Готем», «Гранмерси», за тем – придурки из «Бэббо».

Я кивнула.

Уилл поддерживал меня за локоть, пока мы пробирались к бару. Рядом с Сашей в конце стойки сидел доминиканец с огромным бриллиантовым гвоздиком в ухе.

– Только посмотрите, кто почтил нас своим присутствием! – крикнул Саша и шокировал меня, поцеловав в обе щеки.

Его спутник представился как «Мэни-к-вашим-услугам». Он был посудомойщиком в «Блю Уотерс гриль» и продавал наркотики каждому официанту в радиусе десяти кварталов.

В очередь к туалету выстроились пары жаждущих, какие-то орали так, что уши вяли, какие-то в ожидании перешептывались. Очередь вилась по всему помещению. Не успела я сделать пару глотков пива, как Ариэль взяла меня за руку, и мы очутились в хвосте. Когда пришел наш черед, мы закрыли хлипкую дверь, набросили крючок, блокировали ручку. Обмакнув ключ-нарзанник в пластиковый пакетик, она протянула его мне. В дверь забарабанили.

– Дождись своей очереди, придурок! – крикнула она, потом снова макнула ключ и нюхнула сама.

– Что ты думаешь о Божественной?

– О той, про которую говорил Скотт?

– Не слушай его. Он лжет, они все гребаные гомофобы.

– Она хорошенькая, – сказала я. – У нее классные сиски. Ну не знаю... Я ничего не почувствовала, можно мне еще?

Ариэль протянула мне пакетик, и я набрала себе еще порошка.

– Ты настоящая лесбиянка или только наполовину?

– Господи, да ты просто нечто! Ты откуда такая взялась? Ладно, пососи.

Она сунула мне ключ в рот как соску. На вкус было как кислота из батарейки и соль.

– Нормально, детка? Как я выгляжу? Знойная? Как природный катаклизм?

Она взлохматила себе волосы, и вид у нее стал такой, точно в нее ударила молния. Я кивнула. Она поцеловала меня в лоб, и там, где коснулись ее губы, что-то стянуло, сгустилось, сперва в коже, потом у меня в черепе, потом у меня в мозгу. Сахаристо-сладкий, сентиментальный сироп потек мне в глотку, и меня пронзила слепящая мысль, какой же душой я была, что сразу не поняла, все будет абсолютно, на сто процентов о'кей.

Боксеры у меня над головой яростно пыхтели. Я слышала их пыхтение: «Отпусти меня, отпусти меня, отпусти...» Кто-то поставил «Эбби-роуд» «Битлз», и мне захотелось рассказать всем в баре, что на свой шестой день рождения я знала, что праздника у меня не будет, потому что отец считал, мол, глупо отмечать дни рождения, поэтому я украла из местного универмага (просто затолкала за пояс джинсов сзади) две холлмарковские пригласительные открытки в пастельных тонах, разрисовала цветными карандашами и надписала одну Джону Леннону, а

другую маме, а на другой стороне написала просьбу: «Пожалуйста, приходите на чай в моем доме на мой день рождения», – и накануне положила их в пустое кашпо на крыльце, а потом пошла внутрь и молилась на коленях у кровати и просила Боженьку прийти и доставить приглашения Джону Леннону и моей маме, я обещала ему, что никогда больше не буду плакать, что всегда буду доедать обед и никогда больше не попрошу даже самого маленького подарка, и в кровать я легла, исполненная невыносимой, подрагивающей радости, благодаря Бога за тяжкий труд, ведь он так устанет, пока будет их разыскивать, благодаря его за то, что он знает, как сильно они мне нужны, и когда я проснулась утром и открытки были в кашпо, мокрые и раскисшие от росы, я их выбросила и не плакала при отце, но позднее в школе разревелась за партой и никак не могла остановиться, поэтому меня отправили к медсестре, и я сказала ей, мол знаю, что Бога нет, а она тогда позвонила моему отцу, чтобы он за мной приехал, и я слышала, как она с ним о чем-то спорит, а потом она сказала возмущенно: «Вы вообще помните, что сегодня у нее день рождения?»

А вместо этого я произнесла – и фраза вылетела у меня изо рта с резкой, бесцеремонной четкостью:

– Бывают дни, когда я забываю, зачем сюда приехала.

Окружающие сочувственно закивали.

– Мне что, все время надо оправдываться? Оправдываться за то, что жива и хочу большего?

Меня познакомили с барменом Томом, который ставил бесплатную выпивку за поцелуй. Ему было под сорок, он начал лысеть с макушки, так что сзади волосы у него были еще длинные, и он одержимо заправлял их за уши. Он ярился как бык в загоне, флиртовал, пел, рявкал на кого-то у стойки. Когда нас представили, он ткнул себя пальцем в щеку, и я его чмокнула, а он нацедил мне пива.

– День в день в тысяча восемьсот шестьдесят седьмом генерал Грант поднялся на холм и увидел, что внизу простерлась армия генерала Ли. Он сказал своим людям, что сдаваться не намерен. Мы идем на смерть, джентльмены. И полагаю, нам придется несладко.

«А может, лжет?» – подумала я, а вслух сказала:

– Им хотя бы было, за что сражаться.

Он пожал плечами.

– Я, возможно, и совершал кое-какие ошибки по жизни. Кто знает?

Кинжал рассвета вспарывал небо за открытыми окнами. Сам воздух словно бы ожил, внутри меня все напряглось, точно приближалось что-то новое. Мы снова встали в очередь в туалет, пакет кокса переходил из одного заднего кармана в другой, наши руки соприкасались дольше, тучи сгущаются, что-то зловещее, кончики пальцев подернуты меланхолией, надвигающаяся головная боль... Обыденно? Да, но для меня все равно упоительно.

– Поехали. Что такое Сансер? – В карих глазах Симоны чудилось что-то змеиное.

– «Совиньон Блан», – ответила я, мои руки скрещены на столе.

– Я спросила, что такое Сансер?

– Сансер... – Я зажмурилась.

– Вспомни карту Францию, – шепнула она. – Вино начинается с карты.

– Это апеллясьон в долине Луары, там производят «Совиньон Блан».

– Еще. Сложи все воедино. Что это такое?

– В Бордо «Совиньон Блан» производили для купажей, а в Сансере стали производить как основной сорт. А еще его неверно понимают.

– Почему?

– Потому что люди считают, что «Совиньон Блан» фруктовое вино.

– А оно не фруктовое?

– Да, фруктовое. Оно же фруктовое, верно? Но и не фруктовое. А люди считают, что его можно выращивать где угодно, а на самом деле нельзя. Популярность не всегда на пользу.

– Продолжай.

– Долина Луары севернее. Там прохладнее.

Она кивнула, и я продолжила:

– А «Совиньон Блан», как оказалось, любит прохладу.

– Более прохладный климат означает более длительный период созревания. Когда винограду требуется больше времени для созревания...

– Он получается с более тонким вкусом. И в нем больше минеральности. Получается, что Сансер истинный дом «Совиньон Блан»?

Я ждала подтверждения или правок. Я вообще плохо понимала, что несу. Думаю, ей стало меня жаль, но я получила мрачную улыбку и – наконец! – полбокала «Сансера».

По окончании смены посудомойщики скатывали липкие пластмассовые коврики, и от почерневшего цементного раствора между плитками поднимался запах гнили. Кухня превращалась в пустой амфитеатр из нержавеющей стали, но все равно хранила эхо пламени, грохота и криков.

Младший кухонный персонал драил поверхности, оттирая и отскребая накопившееся за смену. Устроившись на морозильном ларе, двое официантов поедали из металлической лоханки маринованный красный лук. На хлебном столе превращались в суп остатки мороженого.

– Эй, новенькая, я тут.

Это он мне?

Джейк стоял на пороге холодильной комнаты. В руке у него – плошка с ломтиками лимона. Фартук – в пятнах вина, рукава рубашки высоко закатаны, на руках проступают вены.

– А тебе можно тут находиться? – Но на самом деле мне хотелось спросить: а ты вообще обо мне думаешь, как я думаю о тебе?

– Они тебе понравились? Я про устрицы.

Когда он произнес слово «устрицы», их вкус вспыхнул у меня на языке, точно только притаился или спал.

– Да, наверное, да.

– Тогда иди сюда.

Его татуировки проступили четче, когда он распахнул пошире дверь. Я поднырнула под его руку, оглядываясь, чтобы убедиться, что рядом нет Симоны. Я никогда не бывала с ним наедине.

– Мы нарываемся, чтобы нас тут заперли? – спросила я, а на самом деле подразумевала, «мне страшно».

Внутри стояли две открытые бутылки «Шнайдер Вайсс Авентинус», я заранее выставила этот сорт пива, чтобы отнести в бар, но сама его никогда не пробовала. Бутылки были прислонены к картонной коробке с ярлыком «Зелень», но полной мелких, ребристых раковин. Мы находились в холодильной комнате для морепродуктов. Алое филе тунца, разводы на тушках лосося, снежная треска. Холодок чуть щипал кожу, самую малость отдавал морем.

– Что значит эта татуировка? – спросила я, указывая на его бицепс.

Он опустил в рукав.

Джейк порылся в деревянном ящике с наклейкой «Кумамото», достал два крошечных камушка, стряхнул приставший мусор. На его штанину тут же налипла нитка водорослей.

– Они выглядят такими грязными, – прошептала я.

– Они секрет. Тут требуется вера.

Его голос был тихим, не громче гула от мотора холодильника, и я невольно поежилась и придвинулась к нему. Достав из кармана столовый нож, он загнал острие в невидимую трещину. Два поворота запястья, и раковина открылась.

– Где ты этому научился?

Он sprыснул лимоном.

– Давай скорей.

Я щелчком откинула раковину. Я была готова к солёности. К мягкости. К непререкаемости и странности ритуала – полного адреналина, глубоко личного. Я тяжело выдохнула, закрыла и открыла глаза.

Джейк смотрел на меня.

– Само совершенство, – сказал он.

Он протянул мне пиво. Оно было почти черным, вкрадчивым, как шоколад, и тяжелым. И у него было кремовое послевкусие, под стать кремовости устриц. От сенсорной магии кровь ударила мне в голову, на коже выступили мурашки. Не обращай на него внимания. Отведи взгляд. Я посмотрела на него.

– Можно мне еще?

Лежа в постели, я чувствовала, как боль из натруженной спины утекает в топчан. Я коснулась шеи, плеча, бицепса. Я прямо-таки чувствовала, где переменилось мое тело. Я посмотрела на мобильник: четыре сорок семь утра. Черный воздух недвижим, ни дуновения ни внутрь, ни наружу. Жар лип к коже, даже вентилятор не мог его разогнать.

По пути в туалет я увидела, что мой сосед полуголым отрубился на диване. Грудь у него блестела от пота, он храпел. В его комнате на полную мощь ревел кондиционер. Бывают же такие недоумки...

Ванная в нашей квартире представляла собой узкий загончик, выложенный мелкой коричневой плиткой, с коричневой затиркой и коричневым же плесневелым плитусом. Включив холодную воду в душе, я то вставала под него, то выходила, охая и вздыхая, пока кожа у меня не задубела. Расстелив поверх простыней полотенце, я легла совершенно мокрая. Жар опустился снова – точно облако огромной мошки.

Я коснулась низа живота, бедер. Я становлюсь сильнее. А потом я ощутила прилив желания, какого не испытывала месяцами. Я слишком уставала, чтобы мастурбировать. Когда я себя касалась, мне чудилось, я окаменела. Я увидела, как Джейк спускает джинсы в раздевалке, его поношенные длинные трусы, его бледные ноги. Я подумала о поте у него на руках, о том, как яростно он встряхивает шейкер, как пропиталась потом его белая футболка в тот день, когда я впервые его увидела. А когда я попыталась представить себе его лицо, то увидела пустоту. У лица не было черт, только глаза. Но это не имело значения. Я кончила внезапно и благодарно.

Мое тело светилось и блестело в скомканном свете от уличных фонарей. Я привыкла быть одна. Но я и не подозревала, что на свете есть столько одиноких людей. А сейчас я знала, что по всему южному Уильямсбургу люди смотрят в потолок и молятся, чтобы прилетел ветерок и исцелил их, и вот так я себя потеряла. Я испарилась.

VI

Ты обжигаешься. Обжигаешься по факту присутствия.

О винные бокалы, выползающие из клубов пара в мойке. О паротвод кофемашины в засохших разводах молока. О подтекающий кран в раковине за стойкой бара. О фарфоровые тарелки, раскалившиеся на тепловом столе под лампами нагрева на раздаче.

Ожоги на перепонке между большим и указательным пальцами, на подушечках пальцев, на запястьях, на внутренней стороне локтей и – как ни странно – чуть выше локтя с внешней стороны... Я меняла ленту в сервис-принтере, мне пришлось пройти за спиной у Шефа, и я наткнулась на ручку медной сковороды. Я вскрикнула, сковорода крутанулась и упала на пол. Шеф выслал меня из кухни, и до конца ланча я сервировала столы.

Ожоги зажили, а кожа сварилась.

Порезы на костяшках пальцев от того, что неумело срывала фольгу горлышек винных бутылок.

Скотт сказал:

– Кожа настолько грубеет, что ее ножом не разрезать.

И голыми руками выхватил тарелку из гриля-саламандер[13 - Разновидность гриля, в котором нагревательные элементы расположены и сверху, и снизу.], чтобы это продемонстрировать.

К тому времени, когда мы приплелись к стойке бара, было далеко за полночь, и мы были так же замызганы, как пол в обеденном зале. День выдался кошмарный. Посреди смены сломался конвейер посудомоечной машины, и двоих из нас отрядили вручную мыть бокалы в обжигающей, почти кипящей воде. Потом отказали кондиционеры, которые и в лучшие времена работали слабенько. Ремонтники объявились, когда мы сели выпить «на посошок». Они подперли дверь, чтобы не закрывалась, и мы все с тоской посмотрели наружу. Изменений температуры они с собой не привезли.

Ник в награду поставил бэкам джин с тоником. Пальцы у меня как будто сварились, мышца между большим и указательным пульсировала от протирания барного стекла. У меня не было даже сил подумать, не сесть ли за стойку рядом с Джейком и Симоной. Я устало плюхнулась на свой обычный табурет рядом с Уиллом. Пустая бутылка «Хендрикса» стояла на стойке как символ.

По другую сторону от меня сел Уолтер. Обычно наши смены не пересекались. Он был крупным и элегантным, чуть за пятьдесят, с огромной щелью между передними зубами. Выглядел он таким же усталым, какой я себя чувствовала, морщинки у глаз углублялись с каждым выдохом. Он спросил, как я осваиваюсь, и мы немного поболтали о пустяках. Но когда я упомянула, что живу в Уильямсбурге, он хмыкнул.

– Я там жил.

– Ты? Со всеми этими пустоглазыми бездельниками?

– В конце восьмидесятых... Или это еще до твоего рождения? Добрых шесть лет. Господи, это было ужасающе. А посмотрите сейчас. Пугает, мягко говоря. Поезда то и дело переставали ходить. Иногда нам приходилось тащиться по рельсам пешком.

– Ха! – Ник хлопнул ладонью по стойке. – Я и забыл.

– Там было по прямой. Пешком быстрее всего. – Допив свое, Уоррен толкнул бокал к Нику. – Можно мне за байку скотча?

– У нас было целое здание, – начал Уолтер, а Ник опустошил в свой стакан бутылку «Монтепульчано». – Три этажа. Моя доля была пять с половиной сотен, а это совсем не маленькая сумма. Я тогда был с Уолденом, и мы были «Уолден и Уолтер Уильямсбургские». Мы думали, это забавно. Уолдену требовалось место для картин, они... ну... – Он посмотрел на меня. – Даже ты, наверное, их видела. Одно «полотно» занимало целую стену. Он монтировал их внутри, а потом мы разбирали их, чтобы вытащить. А потом фаза коллажей у него началась всерьез. Один из этажей мы оставили под коллекцию старья. Бамперы от машин, сломанные фонари, клетки для кур, целые ящики фотографий. – Уолтер мягко хмыкнул. – Это было так давно, до его... как это называется?

Все в баре слушали, не поднимая головы, только Симона наблюдала за ним теплым взглядом.

– Его «материалистской фазы», – подсказала она.

– А, Симона помнит! Если ты когда-нибудь забудешь что-то в своей истории, Симона вспомнит. – Они смотрели друг на друга в упор, но без злобы. – Это назвали его *coup d'état*[14 - Переворотом (фр.)]. То было начало его романа с Ларри Гагосяном[15 - Американский арт-дилер и галерист, владелец самой большой в мире сети галерей современного искусства, считается «арт-дилером № 1 в мире»]. Его окрестили «кометоподобным». А все, что он делал в Уильямсбурге, – сейчас это, наверное, называется «ранними работами», – стоит миллионы. Он возился с хламом, а я пел оперные арии в ванной.

– Я скучаю по твоему пению, – сказала Симона.

– На третьем этаже у нас было окно во всю крышу, но в нем не хватало стекол. Когда шел дождь, ты словно стоял в Пантеоне: колона воды и света посреди комнаты. На полу прогнил ровный черный круг. Весной в нем вырастал мох. Нам пытались всучить это здание за тридцать тысяч. Я не шучу. Мы подумали, кто станет покупать дом на углу Гранд и Уитфа? Я считал, что рано или поздно он сползет в реку.

Он замолчал. Я сделала крошечный глоток джина с тоником, – напиток был для меня слишком крепким, но я никогда бы в этом не призналась.

– Теперь его превратили в кондоминиум, – сказала я. Я просто не знала, что бы еще сказать. Мне становилось трудно держать голову прямо. – Там столько недостроенных, пустых зданий. Их никогда не заселят. Там нет людей.

– Это ты кондо, новенькая, – вставил Саша.

Уолтер смотрел на дно бокала.

– Чертовы дыры в потолке. Замерзшие трубы всю зиму, ливни на Новый год. Мы каждую неделю спускали с лестницы нарик. Каждую неделю. Один пытался ударить Уолдена ножом для мяса, нашим собственным ножом для мяса. А иногда я жалею, что мы там не остались.

Я ездила в серых поездах подземки. Туда и обратно, туда и обратно. В начале я встречалась глазами со всеми. По пути я накладывала тушь, подсчитывала

чаевые наличкой у себя на коленях. Я писала себе записки, ела рогалики, размазывала крем-сыр пальцами, двигала плечами в такт музыке, тянулась на скамейке, улыбалась, когда в стекле вспыхивало мое отражение.

– Тебе не хватает внимания к себе, – сказала мне однажды Симона, когда я уже собиралась уходить. – Если ты не умеешь видеть себя, то не можешь себя защитить. Ты меня понимаешь? Чтобы выжить, важно остановить воображаемый саундтрек у себя в голове. Не растрчивай себя, сконцентрируйся, ты ведь взаимодействуешь со своим окружением.

Я научилась стоять неподвижно и не смотреть ни на кого и ни на что. Когда кто-то рядом со мной в поезде начинал разговаривать сам с собой, мне становилось за него неловко.

В мой первый день «на подхвате в зале» у миссис Кирби не оказалось при себе кошелька. Я докладывала на соседний стол приборы, когда услышала ее возглас. Тонкими, почти как спицы, руками она швырнула на стол сумочку, ее нож упал на пол. Все вместе прозвучало как сигнал тревоги. Гости за столами вокруг обернулись. Она вытащила смятые бумажки, скомканную салфетку-«клинекс», несколько тюбиков помады, абонемент в музей Метрополитен.

Подобрав нож, Симона положила руку ей на плечо. Миссис Кирби снова села прямее, но ее руки все еще вспархивали к лицу.

– Я... ну... я... ну.

– Знаете, кажется, мы его нашли, – сказала Симона, ловя лихорадочно подрагивающую ладонь. – У вас все на месте. Я заметила, сегодня вы не доели баранину, с ней все было в порядке?

– О! Она была не дожарена. Уж и не знаю, сколько у вас платят Шефу, если он не умеет приготовить баранину. Однажды я обедала с Джулией Чайлд, и нам подали баранину. Ее жарил сам Джеймс Бирд, вот уж кто умел готовить баранину, милочка.

– Спасибо, что рассказали. Я передам.

Симона забрала чек. Я не заметила, как рядом со мной возникла Зоя, и Симона подошла к нам.

– У нее нет кошелька, – сказала она и вздохнула. – Пробью за счет заведения.

– Я бы сначала посоветовалась с Говардом, – осторожно возразила Зоя.

– Прошу прощения? – Симона повернулась к ней всем телом.

Я отступила на пару шагов.

– Ситуация совершенно вышла из-под контроля. Пора это обсудить. Шеф сыт по горло, суп заказывается по два раза, баранина трижды отсылается назад. Становится все хуже.

Даже с расстояния в несколько футов я почувствовала, как она напряглась. Зоя стояла, стиснув за спиной руки, усилием воли заставляя себя сохранять невозмутимость. В футе пространства между ними вскипела тишина, и почему-то я знала, что Зоя нарушит ее первой.

– Ты не можешь просто списывать за счет заведения целые обеды, да еще раз в неделю, Симона. Это вне твоей компетенции, ресторан не может нести за нее ответственность. Помнишь, как она упала? Когда-то же надо провести черту. Где ее семья?

Я замороженно смотрела на Симону, она практически мерцала.

– Каждую неделю, Зоя. Двадцать чертовых лет. Ты сейчас как раз на ее семью смотришь. Я запишу ее обед на себя.

Вокруг станции официантов начал стягиваться остальной персонал – как планеты на орбитах, а когда Симона повернулась, мы рассеялись. Я убежала на кухню, а у Ари были круглые глаза.

– Вот черт, – сказала она. – Королеву улья за такое оштрафуют. Забираю!

Когда я, наконец, получу право пробовать вино под конец наших уроков, то буду изрекать благоглупости вроде: «О, теперь я понимаю!», а Симона будет качать головой:

– Ты только начинаешь узнавать, сколько всего ты не знаешь. Сначала ты должна заново научиться пользоваться органами чувств. Чувства никогда не обманывают, ошибочны их истолкования.

Я не знала, что такое свидание, и в этом была не одинока. Большинство знакомых мне девушек на свидание не приглашали. Люди сходились на почве алкоголя или методом исключения. Если у них было что-то общее помимо работы и алкоголя, они шли куда-нибудь поговорить. Когда Уилл пригласил меня в выходной сходить куда-нибудь, я подумала, что теперь мы точно друзья – ну... как вместе пойти выпить кофе.

Мы встретились в крошечном заведении под названием «Большой бар» – четыре кабинки и несколько табуретов, залитых красным светом. Когда, открывая передо мной дверь, он положил ладонь мне на поясницу, я подумала: «Вот черт! Так вот как выглядит свидание?»

– Канзас, – сказал он.

Я улыбнулась. Не так уж ужасно – находиться где-то помимо ресторана и моей комнаты. Говорить с кем-то, не делая при этом еще пятнадцать разных дел. Совсем не ужасно.

– Логично.

– Разве? Уловила атмосферу Среднего Запада?

– На самом деле нет. У меня радар сбит... Такое ощущение, что все прямо-таки родились и выросли в ресторане. Но мне понятно.

– Благодаря моему шарму?

– Нет, благодаря твоим манерам.

– Очаровательным манерам?

– Бесконечно, – сказала я и пригубила пива.

Странное давление ощущаешь, когда сидишь напротив мужчины, который хочет того, чего ты не можешь дать. Словно стоишь в быстром потоке: сначала думаешь, мол, течение не слишком сильное, но чем дольше стоишь, тем больше устаешь, тем труднее стоять прямо.

– Давно ты тут?

– Я с кино начинал. Приехал учиться в киношколу... боже, пять лет назад... Тоска берет. Я пообещал маме, что вернусь, как только закончу, и у меня такое ощущение, что время на исходе. Она вне себя.

– Да? А по мне так здорово, что ты вырвался, делаешь, что хочешь.

– Она считает, что семья – это здорово.

Я сглотнула.

– Возможно, она права.

– Твои родители знают, что ты здесь?

– Что это значит?

– Не знаю. Ты производишь впечатление девчонки, сбежавшей из дому. Ты такая зажата, словно бы замкнулась, скукожилась внутри.

– Я польщена. Папа знает.

– А как насчет мамы? Как она относится к тому, что ее маленькая девочка одна в большом городе?

– Мама не существует.

– Не существует? Что это значит?

– Это значит, что я не хочу об этом говорить.

Взгляд у Уилла стал озабоченный, и я подумала: «Не надо, не делай этого. Я тебе не для этого сказала. Ты не сможешь это исправить».

– Что случилось с киношколой? – спросила я.

– Приезжаешь сюда ради одного, а тебя затягивает другое. У меня была уйма идей, просто... Ну... Трудно придерживаться того, о чем сначала мечтал. А ведь те мечты обычно самые чистые, понимаешь?

– Ага. – Я ровным счетом ничего не поняла.

– Ты, правда, без цели сюда приехала?

– Я бы не сказала, что без цели.

– Что ты делала в колледже?

– Читала.

– По какой-то определенной теме? С тобой всегда так трудно?

Я вздохнула. Собеседование с Говардом прошло поинтересней.

– Я получила диплом по литературе. И я приехала сюда, чтобы начать жизнь.

– И как продвигается? Твоя жизнь?

Я открыла было рот, но осеклась, похоже, он действительно хотел знать. Я задумалась:

– Она потрясающая.

Он рассмеялся.

– Ты напоминаешь мне девчонок дома.

– Вот как? Мне пора обидеться?

– Не стоит. Тебе все в диковину, ты не пресыщена.

Я подумала: «Ты меня не знаешь», но вежливо улыбнулась.

– Я скоро нагоню. Вот дай, Шеф еще пару раз на меня наорет, и я буду сыта по горло.

– У него тяжелая работа.

– Да? А я только и вижу, как он орет. Ни разу не видела, чтобы он готовил!

– На его уровне все иначе. Он больше не просто повар, на нем вся долбаная кухня. Я знаю, что он каждый божий день скучает по готовке.

– Вчера он велел мне наколоть мои чертовы тикеты, не то он меня пришьет. Как такое допускается?

– Ничего такого тебе не говорил.

– Говорил! Я плакала за ледогенератором.

– Ты чересчур чувствительна...

– Он чудовище.

Уилл с улыбкой поднял руки, показывая, что сдается. Он мне нравился. Правда заключалась в том, что он тоже напоминал мне знакомых из моего городка – милых, симпатичных людей, чья жизнь как на ладони. Разговор о Шефе

напомнил мне про ресторан и что я могу говорить свободно, ведь я не там.

– Знаешь, Симона согласилась помочь мне с вином.

– Ох. – Он скривился. – Я был бы поосторожней с помощью Симоны.

– Почему? Она такая умная. Она столько всего знает. Ты сам все время у нее что-нибудь спрашиваешь.

– Ага, когда припрет. Быть в долгу у Симоны – это как быть в долгу у мафии. Ее помощь может выйти боком.

– Ты что, серьезно?

– Просто я был бы поосторожнее с тем, что ей рассказываешь. У них с Говардом какой-то странный расклад. Например, она стучит ему на остальных официантов. Поговаривают, что они трахаются. Как-то Ари сказала что-то Симоне про Сашу, и Сашу оштрафовали. И еще у нее какие-то странные отношения с девчонками Говарда, они ни с того ни с сего исчезают неведь куда. Ну, не знаю... Она, конечно, спец, но она тут слишком давно, ей бывает скучно, и тогда она мутит воду.

– Я тебе не верю. У меня такое чувство, что она искренне хочет мне помочь.

Я решила, что Уилл не способен понять Симону, а она скорее всего его на дух не переносит. Но остальное сбilo меня с толку.

– Кто такие «девчонки Говарда»? Что ты имел в виду, когда сказал, что они исчезают?

– Не важно, куколка, – отозвался он.

Он прикончил пиво, и тут я поняла, что мне надо решить, остаемся ли мы на следующий круг. Ясное дело, ошибкой было бы напиться еще до четырех часов вечера, но, если у него развяжется язык, оно того стоит.

– Может, благодаря тебе она смягчится, – сказал он, и его взгляд скользнул мне за спину. – Гм. Помяни черта. Я и забыл, что она тут живет.

Я повернулась, и вот она в простом прямом черном платье, выглядит такой изящной, что я ее и не узнала бы. Сердце у меня упало, с саднящим чувством я нырнула поглубже в кабинку.

Это же не «Парковка», и у меня сегодня выходной! Мне хотелось, чтобы Симона думала, что я голой позирую художникам, или пью абсент с музыкантами, или что я в музее Гугенхайма, куда она велела мне сходить, или даже что я сижу одна в баре с книгой вся такая утонченная. Как я могла быть такой дурой, чтобы пить с Уиллом? Да еще на этом попасться?

– Нам надо уйти, – прошептала я.

– Что? Ты же только что сказала...

– Меня тошнит, – заикалась я. – То есть я плохо себя чувствую. Пиво не туда пошло. Мне нужно домой.

– С тобой все в порядке?

– Мне очень жаль, Уилл, мы еще как-нибудь раз выпьем, но я...

Я ощущала на себе ее взгляд, в помещении площадью четыреста квадратных футов нас просто невозможно было не заметить. Я сделала глубокий вдох и почувствовала, как на плечо мне легла рука.

– Какая чудесная из вас двоих пара!

В руках у Симоны была книга в бумажной обложке с французским названием, и пахло от Симоны гардениями. Мне хотелось, чтобы Уилл провалился сквозь землю.

– А вот и нет. Мы просто говорили о работе, – затараторила я. – Извини, привет, Симона. Какое красивое платье. Тоже рада тебя видеть.

– Так у тебя сегодня выходной, да? – спросил Уилл, на мой взгляд, с некоторой прохладцей.

– Да, просто встречаюсь с подругой. И, думаю, Джейк попозже придет.

Я допила пиво.

– Я...

– Я, наконец, поймал ее вне работы, – сказал Уилл, похваляясь мной.

– Так она настолько неуловима? – с издевательской улыбкой парировала Симона.

– Вовсе нет. – Я встала. – Я просто... расстроена, то есть у меня желудок расстроен. – Подтянув к себе сумочку, я положила на стол пять долларов. – Извини, Уилл, в другой раз.

И сбежала, не оглянувшись. Едва выскочив на Вторую авеню, я подняла руку. Теперь понятно, почему такси так необходимы для жизни в большом городе – даже для тех, кто не может себе их позволить. Отчаяние.

Когда я начала подниматься по лестнице за коктейльными соломинками для бара, Джейк как раз спускался. Он скользнул тыльной стороной ладони по моей руке. Я устояла на руке, но она выглядела прежней. Взрыв, но никаких разлетающихся осколков. Следующие пять часов я провела как во сне, недоумевая, намеренно он меня коснулся или нет.

Все было мне не по зубам. Старшие смены, особенно бармены, словно бы защитили докторскую степень по части болтовни с гостями. Они могли щебетать на любую тему. Ничто не ставило их в тупик. А краткость разговора означала, что небрежно выдаваемая на-гора мудрость никогда не будет разоблачена как поверхностная.

Как следовало из общего трепы, чтобы преуспеть в нашем деле, нужно знать город, а еще знать, как из города уехать. Меня же даже Верхний Вестсайд

обескураживал. А вот остальные как будто прекрасно знали все курорты выходного дня на Восточном побережье – не только горы Поконо или секретные антикварные лавки в долине Гудзона, но и живописные местечки в Беркшире или озера на границе с Вермонтом. Пляжи составляли отдельную категорию, делились главным образом на Хэмптонские и Кейп-Кодские, и опять же каждый городок был вещью в себе.

Следовало знать, какие выставки проходят в каких галереях, и само собой разумелось, что ты регулярно посещаешь музеи. В ответ на вопрос, видел ли ты серию картин с казнями Мане (а ведь спросит кто-нибудь, кто пришел на ланч, не сняв с лацкана значка музея Метрополитен), неизменно отвечаешь, мол, либо как раз собираешься, либо уже видел их в Париже. Тебе есть что сказать про разные оперы. А если нет, то вежливо намекаешь, что опера чересчур буржуазна. Ты знаешь, что идет на Нью-Йоркском кинофестивале, и поправляешь любого, кто сваливает в одну кучу Годара и Трюффо.

Ты держишь в памяти разные факты из жизни гостей: где пары поженились, куда мужчины ездят в командировки, над какими проектами они работают и каковы крайние сроки. Ты знаешь, какие колледжи они заканчивали и о чем мечтали, когда учились. Ты знаешь названия городков во Флориде, где они оплачивают проживание матерям. Ты осведомляешься об отсутствующих коллеге, муже, жене.

Ты знаешь игроков в командах «Янки» и «Мет», ты разбираешься в погоде и умеешь предсказать ее лучше любого метеоролога. Ты – ходячий свод одноразовой информации, которую гости потребляют, пока пьют, сбегая от собственной жизни.

И что самое любопытное – ничто из этого барменов и официантов не волновало. Стоило качнуться за ними распашным дверям кухни, как они возвращались к разговорам о еде, сексе, выпивке, наркотиках, какой бар открылся, какая группа где играет и кто прошлой ночью напился вдребезги. Однажды я видела, как кто-то швырнул в лицо Скотту тряпку в споре из-за спагетти-карбонара, но я понятия не имела, были ли у кого-то политические взгляды.

Они так поднаторели в культуре сливок среднего класса, даже не в культуре, а во вкусах сливок среднего класса, что могли сойти за своих. Большинство поваров даже получили образование «лиги плюща» в Корнеллском университете, а потом еще истратили состояние на учебу в Кулинарном

институте Америки. Они бегло говорили на языке богатых. Вот что значит «пятьдесят один процент».

После смены Скотт и его повара пили пиво, сидя на морозильном ларе. Скотт ругался на Шефа: как Шеф чувствует, что Скотт для него угроза, как Шеф ни черта не смыслит в том, что творится в Испании, как Шеф уже лет десять как выдохся. Шеф называл блюда Скотта «провокационными», и было очевидно, что Скотт хочет, чтобы мы считали это комплиментом. Трейвис и Джаред с обожающим видом кивали. Слушая Скотта краем уха, я испытала неожиданный приступ обиды за Шефа, за его блюда и за ресторан, который он создал, пусть даже они «безнадежно устарели».

У персонала на кухне было собственное «кухонное пиво», которое всю смену стояло обложенное льдом в посудомоечной ванне. По ходу смены кто-нибудь из стажеров периодически менял лед (это действительно входило в обязанности повара-стажера – я спрашивала). Пиво было гениальной идеей. Ребята могли порезаться, обжечься или плакать, но перед глазами у них всегда была мойка с пивом, которое принадлежало им одним.

– Эй, новенькая, поди сюда. Ты нравишься Сантосу.

На кухне появился новый парень на заготовках, с которым я еще не познакомилась. Голова у него походила на обтянутый кожей череп, а сама кожа казалась тонкой, как у ребенка, который вдруг пошел в рост. Выглядел он так, словно ему чуть больше пятнадцати.

– Будьте повежливей, парни, – сказала я, запрыгивая на морозильный ларь.

Обняв Сантоса за плечи, Джаред сказал:

– Я люблю Сантоса. Он мой новый дружок. Покажи новенькой танец, которому мы тебя научили. Наш «куриный танец».

Сантос улыбнулся, но устоял в пол и не двинулся с места.

– Ага, теперь он застеснялся. Хочешь пива?

Сантос получил бутылку, и мне тоже дали. Подтянув ноги, я уперлась каблуками в дверцу. Я так и видела, как Сантос проскальзывает под заграждением на границе – расплывается, как монета, и закатывается в щель в стене. Я где-то слышала, мол, это стоит так дорого, что за раз берут только одного. И что если удастся перебраться, даже думать о возвращении слишком опасно.

– Quantos anos tiene?[16 - Сколько тебе лет? (исп.)] – спросила я.

– Dieciocho[17 - Восемнадцать.], – с вызовом ответил он.

– No es verdad? Eres un niño. De donde eres?[18 - Правда? Ты мальчишка. Откуда ты?]

– Из Мексики, – сказал Скотт. Он в три глотка прикончил свое пиво и открыл следующую бутылку. – Ты же знаешь, я больше грязных доминикашек не нанимаю. Верно, Папи?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Сафо, перевод В. В. Вересаева. – Здесь и далее примеч. перев.

2

«Физиология вкуса». Брийя-Саванер.

3

«Мое вино – это вино лентяя и скупердяя» (фр.) – афоризм винодела из региона Божоле Марселя Лапьера.

4

Гребаная идиотка (исп.).

5

Стейк из мясистого края диафрагмы, мышца расположена близко к внутренним органам, поэтому имеет привкус печени.

6

Луковый суп-пюре (фр.).

7

Терруар – совокупность почвенно-климатических факторов и особенных характеристик местности (рельеф, преобладающие ветра, наличие водоемов, лесных массивов, засоленность почвы, окружающий животный и растительный мир), которая определяет сортовые характеристики сельскохозяйственной продукции, чаще всего вина, но говорят также о терруаре кофе, чая, оливкового

масла.

8

Вино апеллясьон Прованс – Лазурный Берег.

9

«На последнем дыхании», 1960. Фильм Жан-Люка Годара.

10

Только (исп.).

11

Остров принца Эдуарда – одна из провинций на востоке Канады.

12

Отсылка на пародийно-документальный фильм «Лачуга любви» (2010) Грегга Сэккона, в котором звезды фильмов для взрослых собираются, чтобы снять порнофильм как дань памяти легендарному продюсеру Мо Сальцману.

13

Разновидность гриля, в котором нагревательные элементы расположены и сверху, и снизу.

14

Переверотом (фр.)

15

Американский арт-дилер и галерист, владелец самой большой в мире сети галерей современного искусства, считается «арт-дилером № 1 в мире».

16

Сколько тебе лет? (исп.)

17

Восемнадцать.

18

Правда? Ты мальчишка. Откуда ты?

Купить: https://tellnovel.com/danler_stefani/sladkaya-gorech

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)